

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА

№ 15

и ЖИЗНЬ

1910

† М. Я. Врубель.

МОСКВА

Воскресенье 11 апрѣля 1910 г.

Цѣна отд. № 15 коп.

ОПЕРА С. И. ЗИМИНА ОПЕРА

(театръ Солодовникова).

РЕПЕРТУАРЪ ПАСХАЛЬНОЙ НЕДЕЛИ:

19-го апрѣля, утр.— „Демонъ“, вечер.— „Мазепа“. 20-го — утромъ — „Золотой пѣтушокъ“, веч.— 1-я гастроль тенора И. В. Каржевина — „Карменъ“. 21-го — утромъ — „Фаустъ“, веч.— „Мазепа“. 22-го — утромъ — „Евгеній Онѣгинъ“, веч.— гастроль М. Александровичъ и те-

нора И. В. Каржевина — „Травиата“. 23-го — утр.— „Золотой пѣтушокъ“, вечер.— „Аида“. 24-го — утр.— „Царь-плотникъ“, веч.— гастроль М. Александровичъ и тенора И. В. Каржевина — „Гугеноты“. 25-го утромъ — „Майская ночь“, вечеромъ — „Мазепа“.

Начало спект. въ 8 ч. веч. Билеты прод. съ 10 ч. ут. до окончан. спект.

Дирекція С. ЗИМИНА.

Театръ

„Буффъ“

== НА ПАСХАЛЬНОЙ НЕДЕЛѢ ==

ГАСТРОЛИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ТЕАТРА

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“

НОВАЯ ПРОГРАММА. ♦ Дирекція З. В. ХОЛМСКОЙ.

ТЕАТРЪ

„ЭРМИТАЖЪ“

ОТКРЫТИЕ ЛѢТНЯГО СЕЗОНА ОТКРЫТИЕ

Русская оперетта подь управленіемъ А. А. БРЯНСКАГО.

Составъ труппы: г-жи Е. И. Варламова, Н. К. Дмитриева, А. Г. Пекарская, А. И. Шамеро, М. А. Руджери, Яковлева. Гг. И. И. Бравинъ, М. И. Вавичъ, С. А. Добротини, Н. К. Громовскій, А. З. Бураковскій, А. Д. Кошевскій, М. В. Михайловъ, Н. Ф. Монаховъ, Г. И. Токарскій и др.

Въ продолж. лѣтняго сезона ГАСТРОЛИ А. Д. Вяльцевой, В. В. Навецкой, Н. В. Плевичной, Н. И. Тамара, Н. Э. Трухановой, В. М. Шуваловой, Вари Паниной.

Главный капельмейстеръ Э. Ф. Энгель. Хормейстеръ Г. И. Якобсонъ. Художникъ-декораторъ Е. Ф. Бауэръ. Свѣтовые эффекты Н. П. Полякова. Режиссеръ С. П. Калининъ. Художникъ-бутафоръ В. И. Петровъ. Костюмы М. И. Валентетти.

Хоръ 50 человекъ. ♪ Балетъ 12 человекъ. ♪ Большой Симфоническій оркестръ 45 челов.

ПАСХАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАРЪ съ УЧАСТИЕМЪ Жаталіи Уваховы Тамара

19-го апрѣля „КОРОЛЬ“. 20-го „НОЧЬ ЛЮБВИ“. 21-го „КРЕСТЬЯНОЧКА“. „Цыганскіе романсы“. 22-го апр.— Гвоздь зимняго сезона „ТАЙНЫ ГАРЕМА“. 23-го „ГРАФЪ ЛЮКСЕНБУРГЪ“. 24, 25 и 26-го апр. три первыхъ представленія знаменитой Лондонской оперетты, имѣвшей исключительный успѣхъ въ Петербургѣ при полной новой обстановкѣ **МИССЪ ГИБСЪ**.

Въ заключеніе въ 1-й разъ въ Россіи гг. Маркѣ и Марки съ ихъ сенсационн. сценою „ВЪ БУДУАРЪ ЛЬВОВЪ“. Нов. декораціи художника Е. Ф. Бауэръ. Мебель и булафорія В. И. Петрова. Модели М. Ф. Устиновичъ. Костюмы М. И. Валентетти. Дирекція: Я. В. Щукина.

ТЕАТРЪ

К. Н. НЕЗЛОБИНА

(Бывшій Новый театръ).

РЕПЕРТУАРЪ ПАСХАЛЬНОЙ НЕДЕЛИ:

Вечеромъ: — 19, 20, 21, 22, 24 и 25 апрѣля — „ВАРВАРЫ“, 23 — „АНФИСА“.

Утромъ: 19 апрѣля — „ЭРОСЪ и ПСИХЕЯ“, 20 и 22 — „АНФИСА“, 21, 23 и 24 — „У ЦАРЕВНЫ ДИнь“, 25 — „МЕЛКІЙ БѢСЪ“.

Начало ден. въ 12½ час. дня. ▲▲ Веч. въ 8 час. веч.

Администраторъ С. И. Голзи.

„ОЧАГЪ“

Пьеса въ 3 д.

— ОКТАВА МИРБО. —

Перев. съ рукописи В. Л. Бинштока и З. А. Венгеровой. Въ этомъ перев. пьеса „Очагъ“ исполн. на сценѣ Моск. Императорскаго Малаго театра.

Сборникъ „ЗНАТЬЕ“. Цѣна 1 р.

Театральные хищники. — М. А. Врубель. — Врубель. С. Матова. — Авторы за режиссерским столом. Оскара Блюменталля. — Къ 20-лѣтню сценич. дѣятельности В. В. Лужскаго. — Москва. — Письма въ редакцію. — Въ бюро. — Слѣгъ „Чаекъ“. Ю. Соболева. — Петербургъ. — Изъ жизни О. П. Горева. — За рубежомъ. — Солдатскій театръ. А. Ардова. — Еще о „критикѣ“ и „критикахъ“. — Одесскія письма. А. А — ова. — Письма изъ Пензы. С. — Провинція.

РИСУНКИ и СНИМКИ: М. А. Врубель. Рис. С. С. Мамонтова. — В. В. Лужскій (4 портрета). — О. В. Гзовская. — В. А. Шухмина. — Мика Микунъ. Рис. Эльскаго. — Рисунки Мики Микунъ. — Типы театральнаго бюро. (2 шаржа Andre'a). — Н. Н. Михайловскій. — Н. Ф. Аксагарскій.

ПОСТОЯННЫМИ СОТРУДНИКАМИ „РАМПЫ И ЖИЗНИ“ СОСТОЯТЪ: А. Ардовъ, Т. Ардовъ, Н. М. Архангельскій, В. Базилевскій, Н. Басъ, И. А. Бунинъ, Ю. Д. Бѣляевъ, Н. Н. Вашкевичъ, Н. Высотскій, Л. И. Гальберштадтъ, В. Н. Гаргевельдъ, Э. Гольденвейзеръ, А. С. Грузинскій, Ю. Денике, Н. Г. Еремѣевъ, В. Е. Ермиловъ, Евт. П. Карповъ, I. I. Колышко, А. И. Косоротовъ, С. А. Кречетовъ, В. Ф. Лебедевъ, Б. Ф. Лебедевъ (Лондонъ), А. Н. Лепковская, М. Ф. Ликиардопуло, Лою, Лоэнгринъ, Як. Львовъ, С. С. Мамонтовъ (Матовъ), Э. Э. Маттернъ, I. А. Матусевичъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. М. Пазухинъ, И. С. Платонъ, С. Ф. Плевако, А. А. Плещеевъ, И. И. Поповъ, Ник. Ал. Поповъ, В. В. Протопоповъ, С. Д. Разумовскій, Ю. Л. Ракитинъ, Д. Ратгаузъ, П. А. Сергѣенко, А. А. Смирновъ, Н. Соловьевъ, А. А. Стаховичъ, Л. А. Суллержицкій, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), Н. Д. Телешовъ, Л. Д. Теплицкій, Н. И. Тимковскій, Н. В. Туркинъ, Н. Урванцовъ, В. Хавкинъ, Н. Г. Шкляръ, И. Ф. Шмидтъ (Рудинъ), Н. Е. Эфросъ, Сергѣй Яблоновскій, Д. Д. Языковъ; художники: В. П. Дриттенпрейсъ, Н. П. Крымовъ, Н. Сапуновъ, С. Ю. Судейкинъ, Г. Б. Якуловъ, Andre, И. Малютинъ, Д. Мельниковъ, Г. Рабиновичъ и друг.

Театральные хищники.

Театральные хищники выются надъ театромъ и рвутъ его на части...

И главная опасность театральныхъ хищниковъ въ томъ, что они налетаютъ не со стороны, а гнѣздятся въ самомъ театральномъ дѣлѣ, являясь въ то же время и дѣлателями театральнаго дѣла.

Вы ихъ найдете — среди антрепренеровъ, администраторовъ, капельдинеровъ, рецензентовъ, и наконецъ даже самихъ актеровъ. Но въ послѣднее время появились хищники совсѣмъ новѣйшей формации.

Эти господа совсѣмъ не сѣютъ „не жнуть“, но въ житницы свои собираютъ не мало.

Мы имѣемъ въ виду „арендаторовъ“ театровъ. Операция ихъ крайне не сложна. Зачувъ, гдѣ жидается въ аренду театръ, они снимаютъ его.

А потомъ „передаютъ“ какому-нибудь помельче антрепренеру или товариществу.

И за „передачу“ дерутъ все, что можно содрать.

До сихъ поръ этимъ занимались только мелкіе антрепренеры, иногда вынужденные пересдать театръ за отсутствіемъ средствъ для веденія дѣла.

Но теперь этимъ стали не брезгать и генералы отъ антрепренерства, которые видятъ въ этой спекуляціи легкую наживу, совершенно не заботясь о томъ, въ какія руки попадетъ ихъ театръ и насколько отъ этого пострадаютъ и искусство и публика и сами ихъ замѣстители.

Такіе крупные антрепренеры, какъ Соболичковъ Самаринъ, Никулинъ, Струйскій, и другіе пошли уже по этому торному пути. Заручившись благодаря имени и связямъ солидными предпріятіями, они пересдали ихъ, взявъ очень „солидную“ разницу.

Изъ помѣщаемаго ниже письма г. Погуляева читатели увидятъ, что театральная жизнь возродила доброе старое время, когда помѣщики перепродавали другъ другу крѣпостныхъ актеровъ. Г. Погуляевъ, вмѣстѣ съ театромъ, уступилъ своему преемнику весь живой инвентарь и теперь любезно сообщаетъ объ этомъ „переуступленной труппѣ.“ Цинизмъ, доходящій до граціи... Послѣдствія этихъ театральныхъ спекуляцій несомнѣнно понизятъ и безъ того невысокій уровень провинціального театра. Перекупщикъ, отва-

ливъ крупный кушъ спекулянту, неминуемо долженъ будетъ компенсировать убытокъ, сокращая свой бюджетъ, экономя на труппѣ и обстановкѣ. Пострадаетъ публика, которая рассчитывала на другого антрепренера. Пострадаютъ актеры, которые расплачиваются своими боками за разницу, переплаченную перекупщикомъ.

Храмъ Мельпомены превращается въ рынокъ, а его жрецы въ маклеровъ и въ театральныхъ „мѣняль“. Театральному обществу или союзу, какъ болѣе молодому и задорному учрежденію, не мѣшало бы взять хворостину и если не выгнать торгующихъ изъ храма, то запретить имъ торговлю.

М. А. Врубель.

Умеръ гениальный художникъ М. А. Врубель.

Михаилъ Александр. Врубель родился въ Омскѣ, 5 марта 1866 г. Отецъ его былъ русскимъ офицеромъ, по происхожденію полякъ, но настолько обрусѣвшій, что почти не понималъ роднаго языка. Мать Врубеля — Анна Григорьевна Васаргина, приходилась родственницей декабристу Васаргину. Она умерла, когда будущему гению свершилось всего 3 года. Дѣтскіе годы Врубелю довелось проводить въ Астрахани, гдѣ жили родственники его матери и куда перевелся отецъ вскорѣ послѣ смерти жены.

Говорятъ, что уже въ это время у ребенка наблюдалась страсть къ картинкамъ, и недолго спустя онъ изображалъ уже портреты близкихъ и домашнія сцены. Это были первые шаги на пути славнаго впоследствии искусства. Затѣмъ слѣдуетъ вторичная женитьба отца (4 года спустя послѣ смерти жены) и переѣздъ въ Петербургъ.

Будучи самъ неравнодушенъ къ искусству, отецъ Врубеля, убѣдившись въ наклонности сына къ рисованію, отдалъ его въ рисовальную школу 6-ва поощр. худож. Здѣсь-то Врубель и получилъ первые систематическіе уроки. Не прошло и года, снова переѣздъ семьи, на этотъ разъ въ Саратовъ, гдѣ параллельно общеобразовательнымъ предметамъ Врубель продолжалъ рисованіе подъ руководствомъ частнаго преподавателя. Къ этому времени, по рассказамъ, относится его дѣтскій рисунокъ „Страшный Судъ“, нарисованный подъ впечатлѣніемъ картины съ случайно пріѣхавшей выставки.

Въ 1867 г., по семейнымъ обстоятельствамъ, семья Вру-

М. А. Врубель.

Рис. С. С. Мамонтова.

беля снова въ Петербургѣ. Будущій геній поступилъ теперь въ гимназію, рисовальную школу посѣщаетъ только по праздникамъ. Здѣсь знакомство съ Эрмитажемъ навѣрное осталось не безъ слѣда. Съ переѣздомъ въ Одессу заканчивается гимназическое образованіе Врубеля, и онъ будто бы окладывается къ рисованію.

1874 г. ознаменовывается поступленіемъ на юридическій факультетъ петербургск. университета. 1877 г., это уже интересная эпоха въ жизни нашего художника — знакомство съ учениками, академіи, Бруни, Вилье, при чемъ послѣдній показываетъ рисунки Врубеля своему профессору Микѣшину, одобришему ихъ. Съ этихъ поръ Врубель занимается въ натурномъ классѣ профессора Чистякова, сильнаго и хорошаго рисовальщика. Его увлеченіе искусствомъ заставляло манкировать университетомъ, и, только сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ окончилъ его въ 1879 г.

Въ 1880 г. Врубель, до того лишь мечтавшій объ академіи, поступаетъ официально. Его успѣхи на заданныя темы поражаютъ товарищей и профессоровъ и въ 1882 г., принятый въ мастерскую П. П. Чистякова, онъ дѣлается любимымъ ученикомъ. Интересны слѣдующіе отзывы Врубеля о своемъ учителѣ: онъ умѣлъ удивительно быстро развѣнчать въ глазахъ каждаго неопита мечты гражданскаго служенія искусствомъ и на мѣсто этого балласта умѣлъ зажечь любовь къ тайнамъ искусства самодовлѣющаго, искусства избранныхъ. Въ это же время знакомится Врубель съ В. А. Сѣровымъ и И. Я. Рѣпнымъ. И, судя по письмамъ этого періода художественнаго роста, геній Врубеля намѣчаетъ свои стремленія, разрастаясь все ближе и ближе къ апофеозу индивидуалистическаго начала въ искусствѣ, столпомъ котораго оказался впоследствии Врубель.

Кіевъ является хранителемъ дивныхъ сокровищницъ его произведеній — иконостасныхъ образовъ и фрескъ въ кирилловской больницѣ и орнаментахъ Владимірскаго собора. Въ нихъ геній Врубеля опредѣляется ярко и безотносительно. Изъ года въ годъ создаются шедевры, поражающіе современниковъ оригинальностью творчества. 1889—1902 года слѣдуетъ считать полнымъ расцвѣтомъ творческихъ силъ его, но вдругъ зимою 1902 г. художникъ заболѣлъ нервнымъ расстройствомъ и былъ помѣщенъ въ лечебницу. Въ 1903 г. чувствовался поворотъ къ выздоровленію.

Врубель съ женою поѣхалъ въ Кіевъ, отдохнуть, какъ онъ говорилъ, и поработать „подъ соломенной крышей“ въ имѣніи фонъ-Мека, но слѣдуетъ страшный ударъ — потеря сына, и несчастный Врубель снова въ лечебницѣ, и на этотъ разъ безповоротно. Послѣдніе годы его жизни трагичны среди психическихъ больныхъ: онъ часто приходилъ въ сознаніе; это тѣмъ болѣе ужасно, что онъ сталъ терять зрѣніе и незадолго до смерти совершенно ослѣпъ.

Памяти Врубеля.

М. А. Врубель рѣзко отличался отъ большинства нашихъ художниковъ своей высокой культурностью. Онъ окончилъ С.-Петербургскій университетъ кандидатомъ правъ, отбылъ воинскую повинность въ гвардейской артиллеріи и только тогда переступилъ пороги Академіи Художествъ.

Благодаря такому широкому образованію, художникъ имѣлъ право критически относиться къ ходячимъ авторитетамъ и высоко цѣнить свою собственную индивидуальность. И онъ цѣнилъ ее и вносилъ во всѣ свои произведенія, несмотря на градъ порицаній и насмѣшекъ, сыпавшихся на него въ теченіе всей его сознательной работы. Онъ вѣрилъ въ себя и свое дарованіе, и эта вѣра сдѣлала его великимъ.

Какъ всякій служитель искусства, обладающій исключительнымъ дарованіемъ, Михаилъ Александровичъ въ своемъ новаторствѣ доходилъ до дерзости, вносилъ поправки въ самую природу изображаемыхъ вещей, въ анатомію живыхъ существъ. Поправки эти ошеломляли публику, вызвали бурю протеста, но въ концѣ концовъ обаяніе мощнаго таланта брало верхъ, и хулители понемногу превращались въ поклонниковъ Врубеля.

Зато сколько мелкихъ лягушекъ изъ среды художниковъ, пытавшихся подражать гиганту Врубелю, лопнуло отъ натуги или безвозвратно заблудилось въ своихъ исканіяхъ...

Самые приемы рисованія покойнаго художника были далеки отъ тѣхъ, которые внушаются рядовыми учителями рисованія своимъ ученикамъ. Врубель не дѣлалъ общихъ контуровъ изображаемыхъ предметовъ, считая ихъ за линіи, въ природѣ не существующія. Онъ набрасывалъ на бумагу отдѣльныя тѣневныя пятна такъ, что рисунокъ или этюдъ его подходилъ на инкрустацію, часто казался непонятнымъ неопытному глазу, но поражалъ знатоковъ своей смѣлостью и рельефностью.

Врубель былъ вообще натурой очень увлекающейся и весь отдавался каждой своей вещи, пока надъ ней работалъ, совершенно не думая о будущемъ. Материалы для живописи бралъ онъ первые попавшіеся, часто недоброкачественные, и потому многія изъ его картинъ и панно не могутъ бороться съ временемъ, — тускнѣютъ, чернѣютъ и гибнутъ.

Такъ что только его карандашные рисунки и скульптуру можно считать достояніемъ потомства.

Родился Врубель въ военной средѣ. Отецъ его обрусѣвшій полякъ, былъ генераль-лейтенантомъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, а мать хорошаго русскаго дворянскаго рода происходила изъ морской семьи.

Серг. Матовъ.

Авторы за режиссерскимъ столомъ.

Оскара Блюменталя.

На старости лѣтъ я еще отчетливо помню первую театральную репетицію, къ которой я былъ причастенъ какъ драматургъ. Я написалъ не дурную комедію, названіе которой давно изгладилось изъ памяти даже самыхъ старыхъ театраловъ. Въ основѣ пьесы лежала схема, сдѣланная однимъ деревенскимъ врачомъ въ Голштиніи, который подбодрялъ меня къ работѣ присылкой крабовъ, устрицъ и голштинской ветчины. Первая сцена ганзейскаго города согласилась поставить пьесу и пригласила меня присутствовать

на репетициях. На мой запрос, когда я должен явиться, я получил от режиссера следующее письмо:

«Дорогой доктор! Мы все обрадованы тем, что вы хотите помочь нам при разучивании вашего произведения. Было бы, однако, лучше, если бы вы прибыли не раньше, чем когда пьеса, так сказать, станет на ноги. Актеры должны сначала овладеть текстом и освоиться со своими местами, — если вы хотите получить хотя бы на половину верное впечатление. Репетиция отдельных мест, во время которых актеры еще смотрят в свои тетрадки, должны произвести на автора удручающее впечатление. Итак, предоставьте нам работать одним в течение первых трех репетиций и лишь затем приезжайте к нам, чтобы мы могли внимательно отнестись ко всем вашим желаниям и намекам...»

Я добросовестно последовал дружественному предложению оставаться дома во время трех первых репетиций. Когда я явился к четвертой, меня сердечно приветствовали со всех сторон, а режиссер провел меня по зыбкой лестнице, ведущей со сцены в партер, и сказал:

— Ну-с, садитесь рядом со мной, дорогой доктор. Возьмите блок-нот и записывайте все, что вам бросится в глаза. Сегодня мы пройдем вашу пьесу без перерывов.

— Как? Без перерывов?

— Да. Это необходимо для того, чтобы актеры не теряли настроения и сжились с ситуациями.

— Но мои маленькие желания и намеки, о которых вы писали в вашем письме?..

— Вы сообщите их нам в антракте... Начинаем!

Передо мной прошел первый акт. Я сидел с блок-нотом в руках и на деле больше писал, чем слушал. В антракте я заковылял по лестнице на сцену, где уже был режиссер.

— И так, и желал бы...— начал я боязливо.

— Один момент, — перебил меня режиссер. — Г. Габельман, пожалуйста сюда.

Подбжал машинист.

— Что вы там надбжали?— заорал на него режиссер. — Весь потолок в складах. Его надо натянуть заново. На второй двери слева ять ручки. Между второй и третьей вставкой направо зияет щель, через которую видно стойку с лампочками. Камин надо привинтить, а верхний свет... Где, впрочем, монтер?

— Сейчас позову,— его,— сказал машинист.

— Выть-может, я мог бы пока...— вставил я и показал на свой блок-нот.

В этот момент явился монтер.

— Ага, вы здесь,— встретил его режиссер. — Надо заново регулировать переходы света. Солнечный закат в окне похож на малиновый кисель. А тьма на потолке?! Все переделывать!

Последовала инструкция мебельщику о выборе мебели, садовнику — о цветах за балustrадой, реквизитору — о безделушках на доске камин... и когда, я подумал, что, наконец пришло подходящее время и для моих замечаний, режиссер дважды хлопнул в ладоши: „Второй акт!..“ И опять с мягкой настойчивостью свел меня по лестнице вниз, в партер. Извиняющимся тоном он сказал:

— После этого акта будет большая перестановка, и вы найдете тогда время сказать все, что у вас на сердце...

И, на самом деле, — мне удалось в антракте обратить внимание и на часть своих замечаний, хотя и очень небольшую часть. Къ сожалению, это не могло произойти на сцене, которая была занята перестановкой. Я должен был разыскивать каждого актера в отдельности, — кого в уборных, кого в фойе — и смог добиться минутной аудиенции только у комика, найденного мною в буфете, — в высшей степени неудобного человека с большим самолюбием, игравшего главную роль. Я не буду утверждать, что мои желания, высказанные с радостью и дипломатической предусмотрительностью начинающего, нашли особенно приветливый прием у актеров. Уже в те времена я приступил къ составлению словаря постоянных выражений и фраз, которыми отвечают актеры на указания автора. Некоторые из этих выражений не исчезли до сих пор, вопреки течению времени, из языка репетиций. При желании больше рязкого подчеркивания:

— Но не можем же мы подчеркивать каждое слово.

При требовании более скромной передачи:

— Вы не знаете нашей публики. Ей нужно вкладывать каждую остроту прямо в рот.

При указании на неслышимый голос:

— Боже мой, нельзя же нажимать педаль на каждом звуке!

При указании на слишком громкий голос:

— Что ж, вы хотите, чтобы я окончательно подавил свой темперамент?

И, прежде всего, это успокаивание, которое происхо-

Пророк.

Этюд М. А. Врубеля.

дить еще сегодня, как и тридцать лет назад, при всяком указании на записки в тексты:

— Будьте покойны! *Вечером* все будет хорошо!

Полный сознания своей неужности, я прокрался тогда через выход со сцены домой и твердо решил не пытаться делать никаких поправок в постановку, а заняться исключительно улучшениями слога пьесы, который в устной передаче актеров обнаружил много недостатков и растаялостей. Страх быть не так понятым — эта характерная особенность всех новичков — соблазнила меня къ многим длинностям, которые я теперь попытался удалить из пьесы с геройским решением саморастерзания. Там и сям я вставлял новые переходы, чтобы сохранить без пробелов связность действия. Когда я сообщил на другой день результаты своего самопожертвования режиссеру и актерам, я вызвал в них крик удивления:

— Что? За два дня до представления мы должны переучивать? Невозможно! — воскликнули актеры.

Режиссер подтвердил:

— Вы расплачете всю диалогическую основу спектакля, если потребуете за двадцать четыре часа до генеральной репетиции изменений в текст. Вам надо было сделать это во время первой, второй или третьей репетиции.

— Но, вѣдь, по вашему же желанию я не был на этих трех репетициях. Вы заявили тогда, что это было бы слишком рано.

— Ну, а теперь слишком поздно!

Я должен был подчиниться и мог только записать в памятную книжку для своего собственного поучения, что автор театальной пьесы не может являться на первые репетиции, потому что это слишком рано, а на последних не имеет права ничего изменять, потому что это слишком поздно, и что, таким образом, до сих не разрешена загадка, когда может явиться вполне кстаи драматург, желающий принять участие в разучивании своего произведения.

Только в самый последний час я отвел в сторону комика и с крайней осторожностью зашептал ему на ухо:

— Вы поразили меня сегодня новым откровенным удивлением, которого не было на прошлых репетициях. В фразе, в которой идет речь о мече Дамокла, вы сделали ударение в греческом имени на первом слоге „Дамокль“!.. Я вполне согласен, что эта манера произношения имеет многое за себя! Но так как я раз навсегда воспринял слуховое впечатление от этого имени с ударением на втором слоге, то очень просил бы...

— Хорошо, — возразил актер снисходительно, — как вам угодно! Но если вы думаете, что это спасет вашу пьесу...

Добрый был нрав. То, что он вѣрно произнесъ имя Дамокла, не могло спасти моей пьесы. Но я, по крайней мѣрѣ, вернулся домой съ сознаниемъ, что все-таки, хоть въ одномъ пунктѣ, былъ удовлетворенъ въ своихъ желаніяхъ.

Почему именно теперь приходитъ мнѣ въ голову это воспоминаніе, которое можетъ считаться типичнымъ для отношеній между сценой и авторомъ тридцать лѣтъ назадъ? Его оживилъ призывъ изъ профессиональныхъ круговъ. Официальный органъ германскаго сценическаго союза, журналъ „Нѣмецкая сцена“, обратился къ литераторамъ и специалистамъ театра съ вопросомъ, — желательно ли и плодотворно дѣятельное сотрудничество автора въ постановкѣ его произведеній? На первый взглядъ вопросъ покажется анахронизмомъ, такъ какъ онъ давно рѣшенъ, по крайней мѣрѣ, на солидныхъ сценахъ. Здѣсь автору не надо упрямо брать штурмомъ свое мѣсто за режиссерскимъ столомъ. Цѣнность общей работы актера, автора и режиссера не нуждается болѣе въ доказательствѣхъ. Тѣмъ не менѣе, полученные отвѣты весьма противорѣчивы и выражаются въ очень показательномъ: „Смотря потому“.

„Все зависитъ отъ автора“, полагаетъ руководитель одного южно-германскаго театра.

„Вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“, — высказывается Пауль Гейзе. А Людвигъ Фульдъ сплизуетъ „Смотря потому“ своего предыдущаго уважаемаго оратора въ слѣдующихъ, очень ясныхъ разсужденіяхъ:

„Человѣкъ, чуждый сценѣ, сдѣлаетъ режиссеру только болѣе тяжелой его работу, запутаетъ актеровъ и будетъ говорить непонятнымъ языкомъ, который предварительно долженъ быть переведенъ на практической и технической языкъ театра въ цѣляхъ полученія какого-либо благотворнаго результата. Принесетъ вредъ и педагогъ, желающій видѣть свои созданія олицетворенными до мельчайшихъ подробностей и рабски въ соотвѣтствіи съ своимъ внутреннимъ возрѣніемъ, и забывающій, при этомъ, что онъ имѣетъ въ актерамъ не мертвый, а живой матеріалъ, — индивидуальности, способность которыхъ къ преображеніямъ разъ навсегда ограничена ихъ природой. Наконецъ, человѣкъ, слѣпо идущій напроломъ, хозяйничающій съ возбуждающимися нервами своихъ изобразительныхъ однополчанъ, какъ съ якорными канатами, и забывающій въ пылу сраженія всякую осмотрительность даже въ обхожденіи съ людьми, — такой человѣкъ способенъ принести вызванными имъ нетерпѣніемъ, безоглядностью и недовольствомъ вреда болѣе, чѣмъ онъ самъ можетъ исправить вѣрными указаніями. Но разъ авторъ владѣетъ, на основаніи своей расуодности, такта и опыта, ремесломъ театра и искусствомъ обходиться съ артистами — онъ всегда будетъ на репетиціи творческимъ, зачастую необходимымъ сотрудникомъ. Въ каждомъ истинномъ драматургѣ скрытъ режиссеръ и, какъ таковой, онъ имѣетъ передъ профессиональнымъ существомъ преимущество въ томъ, что онъ все-таки лучше всѣхъ знаетъ свое произведеніе“.

Взглядъ въ театральные манускрипты нашихъ видныхъ драматурговъ подтверждаетъ на самомъ дѣлѣ, что нани известные драматические писатели не только пишутъ свои произведенія, но и видятъ ихъ: движеніе за движеніемъ, линіи за линіей. Многие инсценируютъ свои произведенія уже на бумагѣ книги и объемистыми ремарками руководятъ работой актера и режиссера. Они не удовлетворяются интимной и многокрасочной характеристикой мѣста дѣйствія, но и указываютъ на изобразительныя средства, которыя они хотятъ призвать на помощь для выраженія своеобразныхъ душевныхъ настроеній. Конечно, нѣкоторые идутъ слишкомъ далеко въ своихъ предписаніяхъ. Если Гергартъ Гауптманъ въ своемъ „Праздникъ примиренія“ требуетъ отъ артиста, чтобы онъ выговаривалъ нѣкоторыя фразы такъ, „какъ если бы у него была во рту мука“, или если одинъ новѣйшій драматургъ предписываетъ актрисѣ, чтобы она въ одномъ моментѣ аффекта „горизонтально погрузила руки въ воздухъ“, а другія мѣста произносила бы „бодзвенно ясно“ или „съ печально опьяненнымъ упрямствомъ“, — то актеры встрѣтятъ эти предписанія съ улыбкой. Но и тѣ поэты, которые посвящены во всѣ скрытыя подробности актерскаго и сценическаго искусства и не навязываютъ своимъ актерамъ ничего непонятнаго, должны всегда считаться съ тѣмъ, что полное совпаденіе намѣренія и исполненія недостижимо и что передача драматическаго произведенія живою жизнью можетъ быть достигнута лишь цѣною компромиссовъ. Они должны постичь искусство — не навязывать своей воли актерамъ, а подладиться съ нею къ нимъ. Они должны считаться съ тонкой чувствительностью, которая неизбѣжна въ актерскомъ творчествѣ съ его отдаваніемъ всей личности, и должны при случаѣ признать безъ высокомерія тотъ фактъ, что, хотя поэтъ и долженъ иногда руководить актеромъ, но что, зачастую, и актеръ можетъ руководить поэтомъ.

Такимъ образомъ, вопросъ, который былъ поставленъ вначалѣ, едва ли можетъ допустить другой отвѣтъ кромѣ этого многозначительнаго „Смотря потому“. Ибо относительно авторовъ не потеряло еще своей цѣны сказанное однажды въ дурную минуту Хангельшtedтомъ:

— Существуютъ лица, которыя держатъ (ведутъ) репетицію, — но существуютъ и другія, — которыя ее задерживаютъ.

Пер. А. Ч.—нъ.

В. В. Лужскій.

Къ 20-лѣтію сценической дѣятельности В. В. Лужскаго.

Талантливый юбиляръ родился въ гор. Шуѣ, Владимірской губ., 31 декабря 1868 г. Воспитывался дома и въ гимназій Поливанова въ Москвѣ. Въ январѣ 1890 г. поступилъ ученикомъ въ оперно-драматическое училище Московскаго общества искусства и литературы. Учителями его были — сначала артистъ Малаго театра П. Я. Рабовъ, а потомъ — П. Н. Грековъ. Первый спектакль, въ которомъ выступилъ В. В., состоялся 23 марта 1890 г. въ помѣщеніи училища (бывшій Пушкинскій театр). 1-ая роль юбиляра была роль Арнольфа въ отрывкѣ изъ „Школы женщинъ“ Мольера.

Лѣтній сезонъ 1891 г. В. В. служилъ въ повѣздкѣ въ Одессу артистовъ Малаго театра, устроенный П. Н. Грековымъ. Здѣсь въ бенефисъ М. Н. Ермоловой юбиляръ игралъ роль трагика въ „Талантахъ и поклонникахъ“.

Изъ болѣе видныхъ спектаклей Общества искусства и литературы В. В. игралъ въ „Плодахъ просвѣщенія“ (2 му жикъ), „Урѣзъ Акоста“ (Де-Сантосъ), „Много шума изъ ничего“ (Леонато), „Двѣнадцатая ночь“ (Сэръ Тоби), „Ганнеле“ (бургмиестръ), „Горячее сердце“ (Хлыновъ). Какъ режиссеръ, В. В. поставилъ въ Обществѣ иск. и лит. — „Горячее сердце“ и „Завтракъ у предводителя“.

Въ Художественномъ театрѣ В. В. служитъ артистомъ и режиссеромъ. За 12 сезоновъ онъ сыгралъ въ 35 пьесахъ 38 ролей. Какъ режиссеръ принималъ участіе въ постановкѣ — „Самоуправцевъ“, „Губернера“, „Ганнеле“, „12 ночи“, „Геншеля“, „Доктора Штокмана“, „Трехъ сестеръ“, „Крамера“, „Мѣщанъ“, „Иванъ Мironыча“, „Блуднаго сына“, „Вранда“, „Стѣнъ“, „Бориса Годунова“, „У царскихъ вратъ“, „Анатомы“ и „На всякаго мудреца“.

Съ перваго спектакля за 20 лѣтъ В. В. сыгралъ 1786 разъ.

И какъ артистъ, и какъ режиссеръ юбиляръ сочетаетъ талантливость съ культурностью, рѣдкой тонкостью и творческимъ умомъ.

Москва.

Спектакль въ пользу инвалидов, состоявшійся въ Большомъ театрѣ, собрали совершенно полный театр. „Лакме“ шла съ блестящимъ составомъ, какого давно уже въ бенефисной публикѣ не приходилось слышать. Выступавшій въ качествѣ гастролера бась петербургскаго Маринскаго театра г. Пироговъ обладаетъ красивымъ голосомъ и партію Ниланты провелъ съ большимъ подъемомъ.

Д. А. Смирнову, выступившему послѣ долгаго перерыва, были поднесены цвѣты.

По обыкновенію блестяще провела партію Лакме А. В. Нежданова.

— Въ Большомъ театрѣ въ партіи мельника въ „Русалкѣ“ выступилъ извѣстный провинціальный артистъ г. Мозжухинъ. У дебютанта прекрасныя голосовыя данныя, которыми онъ очень умѣло распоряжается, и большая сценическая опытность. Артистъ имѣлъ успѣхъ.

— Друзья и поклонники Ѳ. И. Шаляпина всячески стараются угостить его праздновать въ Москвѣ свой юбилей — 20-лѣтіе оперной дѣятельности.

Предполагается постановка оперы „Донъ - Жуанъ“ въ блестящемъ составѣ исполнителей: донна Анна — Ермоленко, донна Эльвира — Балановская, Церлина — Нежданова, Лепорелло — Шаляпинъ, Донъ-Жуанъ — Грызуновъ, Оттавіо — Смирновъ, Мазетто — Лосский.

— Дебютъ В. А. Шухминой въ Маломъ театрѣ прошелъ съ большимъ успѣхомъ. Писсухамъ г-жа Шухмина будетъ принята въ Малый театръ на окладъ въ 3000 р.

— На пасхальной недѣлѣ состоится въ „Цезарь и Клеопатра“ дебютъ г. Муратова, который выступитъ въ роли Руфина, исполняемой теперь г. Лепковскимъ.

— Артистъ М. М. Климовъ на пасхальной недѣлѣ ѣдетъ вмѣстѣ съ М. Г. Савиной и В. Н. Давыдовымъ на рядъ гастролей въ Кіевъ и Одессу. Всѣхъ спектаклей назначено 18 и закончатся они 15 мая.

Римскій Форумъ.

Рис. М. А. Врубеля. (Изъ коллекціи Н. А. Попова.)

— Е. В. Гельцеръ выступила на сценѣ Маринскаго театра, въ роли „Царь-Дѣвцы“, въ „Конькѣ-Горбункѣ“. Эта гастроль внесла оживленіе въ балетный репертуаръ. Танцы московской балерины сопровождалась бурными овациями. Публика шумно восторженно привѣтствовала ее. Успѣхъ былъ полный.

Въ балетъ „Донъ-Кихотъ“ точно также Е. В. Гельцеръ имѣла шумный успѣхъ. Артистку приглашаютъ на гастролы въ Красносельскій театръ.

Извѣстный балетный критикъ Вал. Свѣтловъ пишетъ про г-жу Гельцеръ. „Въ „Конькѣ“ мы любовались ея русскими или русифицированными танцами; въ „Донъ-Кихотѣ“ обширное поле для танцевъ испанскаго колорита. Какъ ни велика разница между этими двумя народами въ ихъ національной хореографіи, балерина великолепно справилась съ испанскими темпами и темпераментомъ. Въ испанскомъ классицизмѣ г-жи Гельцеръ, въ ея эффектныхъ аттитюдахъ и ловкихъ движеніяхъ, столько настоящаго бrio, столько подлинной жизни, столько жгучаго зноя! Уже entré въ 1 актѣ какъ бы прелюдія, въ которой заключены главнѣйшіе элементы ея „испанизма“. Чувствуется нервъ, трепещущій темпераментъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое совершенство техники! Для любителей виртуозныхъ деталей классицизма танцы Гельцеръ — цѣлая академія. Но повторю: искренность темперамента спасаетъ ихъ отъ академизма, который à la longue всегда имѣетъ характеръ скучнаго педантизма. Но нѣтъ возможности скучать, любя съ танцами этой балерины: чеканная, тончайшая работа, вѣрнѣе результатъ гигантской работы, сдѣланной гдѣ-то за кулисами — налицо; а смотрѣть весело. Таковъ секретъ того внутренняго огонька, того артистическаго пламени, который свѣтитъ и грѣетъ въ ея танцахъ“.

— О. В. Гзовская вступила въ труппу Художественнаго театра жалованье 6000 р.

Послѣдніе дни въ студии О. В. Гзовской начались репетиціи пьесы, идущихъ въ петербургскихъ гастрояхъ О. В. Гзовской.

Въ составѣ труппы вошли: г-жи О. В. Гзовская, А. Л. Щепкина, В. М. Неволянская, Н. Н. Волкова, В. Н. Андріевичъ, Е. М. Уварова, О. Н. Мериманова и др.; гг. К. В. Бравичъ, Ю. М. Юрьевъ, П. Н. Худольевъ, Б. С. Борисовъ, М. Я. Муратовъ, Н. М. Гундуровъ, А. Л. Желябужскій, В. И. Хлѣбниковъ, Я. И. Кручининъ, П. Н. Фохтъ, В. И. Шатерниковъ, О. Н. Фрелихъ, В. П. Моисеевъ, Б. Н. Васильевъ, К. Н. Мясинъ и др. Главный режиссеръ П. Н. Худольевъ, режиссеръ С. П. Ланской, суфлеръ С. О. Валикъ.

— Въ труппу К. Н. Незлобина приняты артисты г. Балакиревъ.

— Репертуаръ и характеръ постановокъ въ театрѣ Незлобина для будущаго сезона опредѣлился окончательно. Самъ Незлобинъ ставитъ „Комедію брака“ Юшкевича, которой 5-го сентября откроетъ сезонъ, „Герцогиню Падуанскую“, „Орленка“ и новую пьесу Айзмана, названіе которой держится въ секретѣ. Кромѣ того, г. Незлобинъ выступитъ какъ актеръ въ пьесѣ Седерберга „Любовь — все“, въ которой главную женскую роль будетъ играть г-жа Рошина-Инсарова. Остальныя пьесы пойдутъ въ постановкѣ Ѳ. Ѳ. Коммиссаржевскаго. Намѣчены къ постановкѣ „Горячее сердце“, или „Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“ Островскаго, „Маленькое чудо“ Ярцева, которое согласно условію должно пойти не позже ноября, „Бабье лѣто“ Дымова. Кромѣ того, обѣщали новыя пьесы Леонидъ Андреевъ и Ѳ. Сологубъ. Пойдетъ также „Принцесса Малень“ Метерлинка.

— Въ оперѣ С. И. Зимина закончились гастролы М. Баттистини, прошедшія съ большимъ успѣхомъ.

— Въ „Кривомъ Зеркалѣ“ большимъ успѣхомъ пользуются выступленія г-жи Миаи Микунь. На громадныхъ листахъ бумаги она чертитъ смѣлыя, въ тактъ музыки, карикатуры. Неожиданно линія подъ рукою ея вяжутся въ широкой рисунокъ, и на бумагѣ появляются то марширующие солдаты, то три граціи, то кэкъ-уокъ или канканъ. Въ ея исполненіи много милого юмора.

Микунь — талантливая скульпторша, она занималась въ Парижѣ у Бурделли и геніальнаго Родэна.

— Въ „Кривомъ Зеркалѣ“ прошелъ съ успѣхомъ „Трумфъ“ Крылова.

— Бар. Н. В. Дризень прочелъ въ Лит.-худ. кружкѣ лекцію на тему „Вліяніе театра на молодежь“. Въ своей лекціи онъ подѣлился результатами спеціальной анкеты, произведенной имъ. Лекція вызвала большой интересъ. Въ преніяхъ приняли участіе А. И. Сумбатовъ и Н. Е. Эфросъ.

— 4-го апрѣля въ Литературно-Художественномъ кружкѣ состоялся концертъ о — ва любителей оркестровой и камерной музыки. Послѣ концертнаго отдѣленія исполнена была опера Аренскаго „Рафаэль“. Изъ исполнителей слѣдуетъ отмѣтить г-жу де-Липфордъ; бась г. Анчаръ обладаетъ сильнымъ и свѣжимъ голосомъ. Остальные исполнители и оркестръ о — ва подъ управленіемъ г. Литвинова блестяще справились со своей задачей. Г. Литвиновъ съ любителями достигъ изумительныхъ результатовъ и показалъ себя первокласснымъ художникомъ. Успѣхъ онъ имѣлъ огромный.

— Во вторник, 20-го апрѣля, состоится въ Большомъ залѣ консерваторіи концертъ пианиста М. Брумберга при участіи тенора, подвизавшагося уже въ этомъ сезонѣ въ Москвѣ, Г. Л. Сироты и скрипача Александра Могилевскаго. Г. Сирота, кромѣ духовныхъ номеровъ, исполнитъ на итальянскомъ языкѣ два свѣтскихъ аріи изъ оперъ: „Гугеноты“ и „Аида“.

4-го апрѣля въ помѣщеніи Императорскаго русскаго театральнаго общества въ Петербургѣ состоялось первое засѣданіе комитета по увѣковѣченію памяти В. Ф. Комиссаржевской. Предсѣдателемъ комитета избранъ г. Карповъ, товарищемъ предсѣдателя г. Витарскій, секретаремъ г. Большаковъ. Комитетъ постановилъ пригласить въ свой составъ: Станиславскаго, Яблоновскаго, Немировича-Данченко и Южина.

— С. П. Дягилевъ, по слухамъ, усердно ищетъ финансовой поддержки для того, чтобы, кромѣ балета, повезти въ Парижъ также и оперу въ виду того, что дирекція парижской „Grand Opera“ настаиваетъ на этомъ, какъ на одномъ изъ пунктовъ договора съ С. П. Дягилевымъ.

— Сергій Варягинъ, оперный пѣвецъ, имѣлъ большой успѣхъ въ Берлинѣ, гдѣ онъ выступалъ солистомъ въ одной изъ ораторій. По словамъ газетъ, онъ уступаетъ Шаляпину только въ игрѣ, превосходя его голосомъ. Въ Россіи Варягину не нашлось мѣста, и онъ уѣхалъ въ Германію, чтобы учиться нѣмецкому языку. Въ Берлинѣ онъ приглашенъ въ оперу.

— Совершенно новое предпріятіе организуется на предстоящей лѣтней сезонъ: на Волгѣ законченъ постройкой плавучій дебаркадеръ-театръ, который будетъ совершать рейсы между поволжскими городами. Мысль создать подобный театръ далеко не новая, было нѣсколько попытокъ осуществить идею пловучаго театра, но теперь впервые она доведена до конца. Театръ совершенно готовъ и вполне оборудованъ для спектаклей; декорации и обстановка изготовлены въ Москвѣ. Театръ очень красиво отдѣланъ и чрезвычайно уютенъ. Зрительный залъ имѣетъ тридцать аршинъ длины и двѣнадцать ширины и рассчитанъ на 350 зрителей. На верхней палубѣ помѣщается буфетъ, фойе и каюта для артистовъ. Организаторомъ этого оригинальнаго предпріятія является П. И. Чардынинъ, оставившій въ этомъ году службу въ Московскомъ Введенскомъ театрѣ. Труппа уже сформирована, и репетиціи въ продолженіе поста шли въ Москвѣ. Театръ имѣетъ названіе „двухъ масокъ“ и репертуаръ его будетъ состоять частью изъ репертуара театра ужасовъ, частью изъ легкихъ одноактныхъ пьесъ, маленькихъ обзорныхъ, пародій типа современнаго кабаре. Начало спектаклей со втораго дня Пасхи. Составъ труппы: Дыбчинская, Новицкая, Надеждина, Хмельницкая, Максимовъ, Терзиская; гг. Агринскій, Георгиевскій, Грэлль, Рокотовъ, Старковский, Томкевичъ, Пронинъ. Режиссеръ П. И. Чардынинъ. Уполномоченный дирекціи Рокотовъ.

— Намъ телеграфируютъ изъ Екатеринослава:

Губернаторъ Шидловскій приказалъ антрепризу оперы немедленно снять съ афиши „Жизнь за Царя“ и въ партіи Сусанина артиста еврея Сангурскаго замѣнить русскимъ Кайдановымъ. Антониду тоже поручить русской — Бобровой-Пфейферъ.

Въ концертахъ.

„Рахманиновскій“ концертъ въ Филармоніи прошелъ для музыкальной Москвы какъ праздникъ, какъ торжество.

Но это и было торжество могучаго таланта. Это были безпредѣльная ширь, мощный размахъ, вѣчно молодая, каждому милая, весенняя настроенія...

Какъ музыкантъ Рахманиновъ громадная, характерная индивидуальность. Многогранное дарованіе. Композиторъ, дирижеръ, пианистъ. И всюду въ первыхъ рядахъ, всюду „большой человекъ“. Въ композиціи это духовный сынъ Чайковскаго. Тамъ въ немъ задумчивость, неисчерпаемое богатство мелодики, тѣ же и приемы письма и великолѣпныя, сочныя, мягкія краски оркестра.

И Рахманиновъ и Чайковскій въ музыкѣ далеко не националисты. По конструкціи своихъ произведеній, по обилію въ нихъ хроматизма они скорѣе западники.

Но всегда, вездѣ звучитъ у нихъ специфически славянская нота. Тоскующая, мятущаяся, ищущая.

Только Чайковскій болѣе нѣженъ, грустенъ. Онъ улыбка золотой осени, тоска о дивномъ прошломъ.

Рахманиновъ болѣе суровъ, порывистъ. Онъ вызовъ ранней весны, стремленіе къ свѣтлому будущему.

Музыка его не оригинальна и совсѣмъ чужда новаторскихъ тенденцій, но она увлекаетъ горячностью убѣжденія, красотой подъема, и нельзя не подчиниться ея обаятельно-чистымъ вдохновениямъ...

Центръ программы — новый 3-й концертъ для фортепиано.

Это типичное Рахманиновское произведеніе. Сильно род-

Давидъ и Мельхоло въ саду.

Рис. М. А. Врубеля къ пьесѣ С. И. Мамонтова „Саул“.

ственное извѣстному 2-му концерту, но слабѣе его и по основнымъ темамъ и по цѣльности настроенія. Труднѣйшая фортепианная партія концерта была передана Рахманиновымъ, какъ и всегда, блестяще.

Какъ дирижеръ Рахманиновъ выдающаяся величина. Это лишний разъ онъ доказалъ исполненіемъ своей поэмы „Островъ Мертвыхъ“ и особенно 2-ой симфоніей. Вся полнота власти надъ оркестромъ въ его рукахъ. И это безъ всякаго позерства, безъ рисовки...

Какія-то волны теплыхъ искреннихъ чувствъ рѣяли въ залѣ, завораживали, уносили въ высъ.

Надъ всѣмъ и всѣми царилъ свѣтлая и радостная сила таланта...

Багриновскій.

Праздникъ тѣла.

(Вечеръ пластинки Э. И. Книпперъ).

Какая странная, новая для насъ сила въ созерцаніи именно такихъ движеній человѣческаго тѣла, какія у этихъ молодыхъ дѣвушекъ, плясавшихъ передъ нами въ вечерѣ 2-го апрѣля.

Свободно двигающееся тѣло, свободное отъ всего, что такъ изуродовало его въ нашемъ балетѣ, этомъ типичномъ продуктѣ „культуры“ — это свободное тѣло, какъ гамма изумительно совершеннаго музыкальнаго инструмента, выражаетъ собою легко, полно и проникновенно все, все рѣшительно, такъ просто и такъ наглядно.

И эти юныя исполнительницы (имена ихъ не указаны въ афишѣ) вдохновенно выражали то, что, если не считать рѣдкихъ выступленій А. Дунканъ — родоначальницы ихъ искусства у насъ, доступно было только музыкѣ.

Бытовые картинки — охота, игры дѣвушекъ: жмурки, игра въ мячъ, Панъ и Нимфы, — все это такъ очаровательно-типично изображено.

И изображеніе это сдѣлано изъ музыкальнаго ритма, навѣяннаго этюдомъ Шумана или Корелли, и изъ движеній и скульптуры тѣла — и только. Изображеніе это исчерпываетъ тему до конца.

Или чисто музыкальныя задачи: *chanson á boire*, *Knecht Ruprecht* (Шумана), Вальсъ (Шуберта), Тишина и Ручей (Шумана), Вальсъ *brillante* (Шопена), — въ нихъ творчество танцовщицъ обличаетъ большую изобрѣтательность движеній, выражающихъ отвлеченныя представленія.

Но надо признать, что болѣе простые переживанія выражаются „хорошъ“ гораздо полнѣе.

Но вѣдь это только начало — это всего „первое“ выступленіе ихъ.

Лучшее, это „Танецъ скивоувъ“ (изъ „Пфигевія“ Глюка).

Это маневры двухъ войскъ враговъ — дикихъ, злыхъ и безпощадныхъ. Дѣвушки въ красныхъ туникахъ и золотыхъ обручахъ на головахъ. Онѣ мѣняются мѣстами... Онѣ разятъ другъ друга какъ бы длинными копьями. Сражаются какъ бы мечами, закрываясь щитами. Вотъ однѣ падаютъ, другія торжествуютъ...

Это полная, яркая, какъ ихъ туника, и удивительно вѣрная археологически картина.

Сама Э. И. Книпперъ, какъ исполнительница, выступила подъ музыку Грига. Танцы ея нѣсколько тяжелы и холодны.

Единственный упрекъ—зачѣмъ это стремленіе подражать А. Дунканъ?

Почему не расширяютъ рамки? Почему не дается, напримеръ, обстановка, хотя бы въ эскизахъ соответствующая исполняемому? Почему дѣйствіе происходитъ также, какъ у Дунканъ на фонѣ складокъ безразличнаго сукна?

Будемъ думать, что слѣдующій шагъ школы Э. И. Книпперъ—будетъ цѣлый балетъ въ обстановкѣ.

Будемъ отъ всей души приветствовать это дѣло.

Ник. Васкевичъ.

Въ союзѣ сцехическихъ дѣятелей.

На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій сѣзда уполномоченныхъ была произведена окончательная баллотировка членовъ новаго состава центрального правленія, наблюдательнаго комитета и союзнаго суда.

Центр. прав. сформировано такъ: г-жа Лепковская, г. Лепковскій, г-жа Васильева, г. Сперанскій, г. Мандельштамъ, г-жа Незлобина, г. Орбеліани, г-г. Мартосъ, Готфридъ; кандидаты къ нимъ: г-жи Голубева, Кошева, Книгиненская, Островскій, Адашева, Якуловъ, Варваринъ, Пономаревъ.

Наблюдательный комитетъ: А. И. Адашевъ, А. П. Гегеръ - Глазунова, М. Э. Мондштейнъ, г. Бурджаловъ, Ю. В. Соболевъ, г. Перовъ; кандидаты: Я. Л. Розенштейнъ, М. С. Ангарова, В. И. Косцынская, г. Абрамовъ, Ю. А. Ширіани, г-жи Сперанская, Милитинская.

Союзный судъ: Ю. А. Бунинъ, Н. И. Поповъ, г. Вознесенскій, С. С. Голоушевъ, П. О. Шмитъ, г. Тубенталь, г. Гурскій; кандидаты: г-г. Карженецкій, Плевако, Яблоновскій, Гайдаровъ, Мамонтовъ.

— На предстоящій лѣтній сезонъ Ц. П. сняло Томскъ. Формируется труппа. Режиссеромъ приглашенъ г. Яновъ. Зимой союзъ будетъ располагать цѣлымъ рядомъ городовъ. Подписаны договоры съ Саратовскимъ народнымъ домомъ, Нахичеванскимъ городскимъ театромъ, останутся, очевидно, и всѣ города минувшаго сезона. Списокъ лицъ, желающихъ служить въ союзныхъ предпріятіяхъ, растетъ. Баллотировается много новыхъ членовъ.

— Марія Эдуардовна Мондштейнъ, какъ видно изъ приведеннаго выше состава ц. п., не остается больше въ числѣ его членовъ и значится лишь въ списокѣ наблюдат. комитета. Сложившіяся для М. Э. обстоятельства не позволяютъ ей больше принимать непосредственное участіе въ работахъ правленія (М. Э. съ предстоящаго лѣтняго сезона уходитъ въ провинцію); теперь, вспоминая все то, что сдѣлало за три года ц. п., невольно хочется остановиться на самоотверженной дѣятельности его предсѣдательницы г-жи Мондштейнъ.

Воистину, можно сказать, что М. Э. высоко держала „союзное“ знамя. Не говори уже о томъ, сколько силъ, здоровья, энергіи, нервовъ потратила М. Э. на веденіе дѣлъ ц. п., не останавливаясь даже на томъ, что изъ общаго числа собраній правленія, М. Э. посѣтила 192 изъ 206, хочется особенно подчеркнуть въ дѣятельности М. Э. то главное, то нераздѣльно ей принадлежащее, что такъ заслуженно заставило цѣнить и уважать въ ней истинную носительницу принциповъ союза...

Въ двухъ словахъ—это: ея безграничная преданность дѣлу, любовь огромная и дѣятельная (физически, такъ сказать, она выражалась въ томъ, что бывало немало дней, когда М. Э. буквально съ утра до глубокой ночи проводила за весьма утомительной и сложной работой въ союзѣ); нравственный авторитетъ, который имѣла за собой М. Э. былъ великъ. И какъ бы ни волновались критики ц. п., какъ ни кололи они ц. п. за его „излишнюю“ мягкость, никто изъ нихъ не осмѣлится сказать, что ц. п. не было на высотѣ своего призванія, не сохраняло неприкосновенными принципы союза. Да, ц. п. дѣлало ошибки, промахи, правда, М. Э. вѣрила много и глубоко людямъ, она въ худшемъ стремилась видѣть лучшее, не никогда, ни ради какихъ бы то ни было интересовъ, не приносилось въ жертву чистое имя союза.

Ю. Соболевъ.

О. В. Гзовская.

(Къ переходу въ Художественный театр.)

Письма въ редакцію.

(По телеграфу.)

Просимъ огласить, что г. Зелинскій выбылъ изъ состава учредителей Харьковскаго опернаго товарищества. Контрагентами Комерческаго клуба остаемся мы двое; контракты съ артистами и хоромъ, заключенные отъ имени трехъ контрагентовъ сохраняютъ полную силу. Дѣло будетъ идти прежнимъ порядкомъ подъ широкимъ контролемъ всѣхъ членовъ товарищества.

Акимовъ. Энгель-Кронъ.

М. г.

г-нъ редакторъ!

Покорнѣйше прошу напечатать въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ слѣдующее мое заявленіе:

Съ предстоящаго лѣтняго сезона къ моей фамиліи (по сценѣ) Аргутинская — прибавляю фамилію Козловская. Дѣлаю я, желая избѣжать тѣхъ недоразумѣній, которыя имѣли мѣсто, благодаря тому, что нѣкоторыя лица выступали подъ этой моей сценической фамиліей.

Прим. и пр.

Е. Н. Аргутинская (Козловская).

М. г., г-нъ редакторъ!

Покорнѣйше прошу помѣстить въ уважаемомъ Вашемъ журналѣ слѣдующее:

Сообщаю г-г. артистамъ и артисткамъ, что тамбовскій мой зимній театръ передавъ на сезонъ 1910—11 года артисту Григорію Марковичу Гринину со всѣми контрактами, заключенными мною съ труппой, каковыя контракты остаются въ силѣ. Кто изъ артистовъ или артистокъ не пожелаетъ принять антрепризу г. Гринина, прошу увѣдомить меня или г. Гринина до 1 мая сего года. Адресъ мой: Тамбовъ, театр; а г. Гринина: Театрал. бюро, Москва.

Съ почтеніемъ И. Погуляевъ.

Въ бюро.

Разъѣздъ артистовъ въ полномъ разгарѣ. Въ бюро теперь бываетъ не очень мало народа. Добрыхъ три четверти изъ нихъ останутся безъ работы, и это создаетъ неприятную, тяжелую атмосферу. Всѣ обозлены, нервно реагируютъ на всякое къ нимъ обращеніе и, кажется, достаточно малѣйшаго повода, чтобы раздраженіе безработныхъ вылилось въ дикой, безобразной формѣ.

Всего по первое апрѣля бюро постѣило 2,700 человекъ. Изъ нихъ артисты, прослужившихъ на сценѣ менѣе трехъ лѣтъ—1,854; совсѣмъ новичковъ—688.

По національностямъ: русскихъ—1,327; инородцевъ—111. Закончили составъ труппы антрепренеръ М. Каширинъ на лѣто въ Иваново-Вознесенскъ и зиму—въ Баку и Ватумъ. Въ составъ вошли: г-жи Лаппо-Данилевская, Медвѣдова, Амосова, Альгина, Бронницкая, Кавказская, Ясенева, Корнева, Надеждина, Воронцова, Ворастова, Леонидова; гг. Рузаевъ, Мавринъ, Фурсовъ, Волковъ, Юдинъ, Зеленовъ, Горбатовъ, Агѣевъ, Зарѣчный, Востоковъ, Мозжухинъ, Кошевскій, Вѣровъ и др.

Антрепренеромъ г. Кириковымъ для зимняго сезона въ Пермь и Екатеринбургъ приглашены слѣдующіе артисты: г-жи Кречетова, Волынская, Суворова, Арсеньева, Карталинская и др.; гг. Дьяконовъ, Масынъ, Маккавейскій, Рудичъ, Гришинъ и др. Режиссеръ г. Дьяконовъ.

Неожиданно появились антрепризы на лѣто въ нѣсколькихъ городахъ. Собираютъ фарсовую труппу въ Уфу въ антрепризу г. Кляузника. Приѣхалъ представитель порховскаго драматическаго кружка г. Васютинскій набирать на лѣто драматическую труппу. Приступилъ къ набору труппы въ Ровно въ желѣзнодорожный театр г. Сарачанъ. Наконецъ, приѣхалъ изъ Кіева режиссеръ г. Строевъ, по порученію артистическаго общества для набора комедійной труппы на лѣто въ купеческій садъ.

В. А. Шухмина.

(Къ дебюту въ Маломъ театрѣ.)

Режиссеръ г. Строевъ собираетъ труппу безъ посредства бюро—у себя на квартирѣ; узнавши объ этомъ, артисты со-гнами направляются къ нему домой. Г. Строевъ собираетъ комедійную труппу для купеческаго сада въ Кіевѣ, другой же кіевскій антрепренеръ городского сада г. Дагмаровъ собираетъ чисто фарсовую; надѣясь оны закончить наборъ, взявъ черезъ бюро недостающихъ артистовъ гг. Крашова, Дриго-Ратлитова и Пеняева и уѣхалъ въ Кіевъ.

Въ газетѣ была напечатана относительно М. Т. Строева слѣдующая замѣтка:

Въ театральномъ агентствѣ Разсохиной разыгрался скандалъ, характерный для отношеній нѣкоторыхъ антрепренеровъ къ служащимъ у нихъ работникамъ сцены.

Антрепренерствуя въ Петербургѣ, въ театрѣ Неметти, г. Строевъ велъ себя довольно „легкомысленно“ по отношенію къ своимъ служащимъ. Кончилось дѣло, и у г. Строева оказалась масса кредиторовъ. Возникло нѣсколько исковъ, которые пока до конца не доведены. Г. Строевъ попалъ на „черную доску“ въ театральномъ бюро, что, однако, не помѣшало ему въ истекшемъ сезонѣ служить режиссеромъ въ Кіевѣ, въ театрѣ Кручинина. На лѣто же оны задумалъ снова организовать свое дѣло въ кіевскомъ купеческомъ собраніи. Не имѣя права составлять труппу черезъ бюро театральнаго о—на, оны началъ дѣйствовать черезъ театральное агентство Разсохиной. И вчера здѣсь при многочисленныхъ свидѣтеляхъ-актерахъ его встала одна изъ кассирш, служившая у Строева въ Петербургѣ и полатившаяся 1,000 руб. Произошло горячее объясненіе, завершившееся двумя звонкими пощечинами, нанесенными кассиршѣ Строеву.

Редакціей получена отъ г. Строева телеграмма, въ которой оны заявляетъ, что фактъ сообщенный въ замѣткѣ вымысленъ и обѣщаетъ прислать опроверженіе.

Опредѣлился составъ драматической труппы, приглашенной г. Бородаевымъ на зимній сезонъ въ Иркутскъ. Въ составъ ея вошли: г-жи Макарова, Петрова, Корде, Жукова, Маркова, Лирская, Ястребова, Черкасова, Киселева, Востокова, Боне, Шамардина, Нѣжина; гг. Вадиновъ, Петровъ-Краевскій, Вырубовъ, Василенко, Шмидтъ, Кудрявцевъ, Дмитріевъ, Поморовъ, Колычевъ, Шамардинъ, Ставронихъ, Новгородцевъ.

— Закончилъ наборъ труппы г. Лихтеръ на лѣтній сезонъ въ Нѣжинъ и Нижній-Новгородъ. Въ составъ вошли: г-жи Леонтьева, Леонова, Доричъ, Артурова, Мирская, Ольшинская, Верховская, Краевская, Лирская, Шурина; гг. Грининъ, Вырубовъ, Шумиловъ, Молчановъ, Ардаровъ, Барскій, Стемковский, Родень, Лихтеръ, Петровский и др.

— На зимній сезонъ г. Лихтеръ составилъ труппу въ городъ Двинскъ; въ составъ вошли: г-жа Ратмирова, Доричъ, Леонова, Артурова, Мирская, Огарева, Краевская, Лирская, Верховская и др.; гг. Салларовъ, Молчановъ, Шуминовъ, Ивановъ, Бурлакъ, Лихтеръ, Петровскій, Истоминъ, Бабиновъ, Барскій, Розентъ и др.

— Для поѣздки съ Пасхи въ города: Константиноградъ, Миргородъ и Кобеляки—артистъ г. Качуринъ собралъ труппу, въ составъ которой вошли: г-жи Мравина, Струйская, Круглякова, Ремизова, Степная 2-я, Скражева; гг. Воринъ, Моревъ, Тимофеевъ, Черновъ, Хморинскій, Солонинъ и др.

— Кіевскій антрепренеръ г. Дагмаровъ приѣхалъ добирать нѣкоторыхъ артистовъ на лѣто въ городской садъ. Пока имъ приглашены: г-жи Мосолова, Арабчевская, Менецкая, Веригина; гг. Аркадьевъ, Любошъ, Курихинъ, Лебединскій, Улихъ; тудаже подписалъ контрактъ г. Пеняевъ.

— Антрепренерша г-жа Де-Росси закончила формировать труппу на лѣто съ Пасхи по 1-е іюня въ Луганскъ, съ 1-го іюня по 1-е сентября въ Бахмутъ. Въ составъ труппы вошли: г-жи Де-Росси, Самойлова, Черняева, Хвалынская, Клименко, Заревская, Ларина, Вѣльская, Ипполитова, Рѣпина, Рунчъ; гг. Строителевъ, Дегтяревъ, Джури, Островскій, Нелидовъ, Висковскій, Муратовъ и др. Режиссеръ Висковскій.

А. С. Альянова приглашена на зимній сезонъ въ Харьковъ къ Коралли-Торцову на роли инженеру-драматикъ и молодыхъ героинь.

Слетъ „чайкъ“.

Оны слетѣлись сюда со всѣхъ концовъ театральнаго Россіи: изъ Керчи, и изъ Вологды, и изъ Ельца, и изъ Ташкента. Не веселое было это путешествіе въ „Москву, въ Москву!“ въ III классѣ, съ мужиками“, но волновали ихъ зато чудныя мысли, удивительныя иллюзіи создавались фантазіей. И вотъ оны—эти милыя и скорбныя „чайки“ русской сцены,—эти Нины Зарѣчныя—страницы бездомныя—въ Москвѣ...

Вотъ и бюро... Но сны не стали явью, греза не претворилась въ дѣйствительность... Не подвернулся крупный антрепренеръ, не удалось хорошо „кончить“, не нашлось мѣста.

И уже грустныя мысли завладѣли ими, мрачныя перспективы рисуются вперед... Холодные, нетопленные театры-конюшни въ „Ельцахъ“, гдѣ пристають съ любезностями „образованные купцы“, гдѣ нѣтъ ни умныхъ, интересныхъ, изящныхъ, воспитанныхъ людей, ни музыки, ни радостей, ни любви, ни искусства, а гдѣ паритъ невѣжество, пьяные „гости“, нищенскіе оклады, недоѣданіе, стыдъ передъ товарищами за дырявые ботинки, за пошоенное платье, за робость, за оскорбленное самолюбіе...

И вотъ посмотрите, что дѣлается тамъ, на этомъ шоржищѣ ихъ творческихъ силъ—въ бюро, на 6—7 недѣляхъ поста, когда осталось еще много людей безъ дѣла и когда у этихъ неудачниковъ исчезла послѣдняя надежда.

Посмотрите вы на нихъ вечеромъ... Днем, когда кипѣла жизнь, и въ шумливой толпѣ пряталось одиночество, нищета, обида, зависть, прятались слезы, скрывались за жалкой мишурой „убогой роскоши“ плохо зачиненныя тряпки „туалетовъ“, трудно различить удачниковъ отъ неудачниковъ, „кончившихъ“ отъ безработныхъ. Все живетъ, волнуется, существуетъ... Но вечеромъ, когда въ бюро идутъ лишь „безъ мѣста“, лишь отчаявшіеся, о, тогда вы сразу найдете разницу между этимъ, отъ скуки забрѣтшимъ сюда, бронетомъ съ видомъ „перваго любовника“, надменнаго и важничающаго своими брелоками „даровитому артисту-художнику отъ благодарной царевкокишайской публики“, и вотъ той худенькой и хрупкой артисткой, что робко жметъ гдѣ-то въ углу...

Первый „кончившій“, получилъ авансъ (половину, впрочемъ, оны въ тотъ же день спустилъ въ театральномъ клубѣ), слѣдовательно, пообѣдалъ, а потому доволенъ и свисходительнъ.

Вторая—потеряла всякую надежду, ѣла сегодня колбасу изъ „сѣстной“; голодна, разстроена, разбита...

Вотъ соберется сейчасъ компанія „кончившихъ“ актеровъ—пойдутъ они заканчивать „трудоустройство“ въ рестораны. И долго, до зари, стѣны „Бара“ или „Трехгорнаго“ будутъ слышать пріятные актерскіе разговоры объ успѣхахъ, влюбившихся гимназисткахъ, подаренныхъ (и заложенныхъ!) портсигарахъ, недоплаченномъ жалованіи...

А оны, опустивъ голову низко, низко, сидитъ, замеревъ въ скорбной, безотраднѣйшей позѣ, молодой актеръ. Оны тоже

без мѣста... Почуеть гдѣ-то изъ милости, питается ужасно... А онъ молодой, ему хочется — и онъ можетъ — работать.

Милыя „чайки“ бродятъ печальныя...

Разговоры вертятся на предложеніяхъ мѣсть.

— Миѣ вотъ общають 100 рублей, положеніе, роли, но... вотъ надо только иногда съ кутящей публикой въ отдѣльные кабинеты рестораноу ѣздить кутить...

Въ голосѣ слезы обиды...

— А у меня ребеночекъ боленъ. А доктора не на что позвать... да и ѣсть скоро не на что будетъ...

— Кончила! кончила! — чуть не кричитъ отъ радости „самая маленькая въ бюро женщина“ — крошечная блондинка „инженюшка“, — общается давать играть всѣхъ подростковъ и Митиль въ „Синей птицѣ“. Ура-а!

Смѣхъ, на минуту шутки...

— Даютъ 40 рублей, — долетаетъ обрывокъ разговора... На положеніе ответственной ingenue ѣхать. Боюсь не прожить на 40-то... А?

И въ голосѣ тревога.

— Вы что тутъ дѣлаете? — спрашиваютъ молоденькую, худенькую, совсѣмъ юную, вѣрно, вчерашнюю еще школьницу...

— Я въ актрисы поступаю, — гордо отвѣчаетъ „новичекъ“. И въ самомъ дѣлѣ: она стоитъ у рѣшетки и даетъ о себѣ свѣдѣнія для бюро.

— А жалованья вамъ сколько записать? — слышится изъ-за рѣшетки.

Сколько? Почему она знаетъ... этотъ вопросъ сбиваетъ съ толку... ну 50... ну 80... ну 100... она колеблется назвать цифру.

Но тамъ уже знаютъ. Тамъ наметались глазомъ, привыкли. Новенькая... первый годъ... ну 30—35 рублей.

„Поступившая въ актрисы“ гордо и счастливо улыбается...

Часы бьютъ десять.

Спускаются поднятыя надъ прилавками конторокъ рѣшетки. Постепенно гаснетъ электричество. Столы сдвинуты въ кучу... Расходятся... Плетутся къ своимъ грязнымъ „моблирашкамъ“, къ убогимъ комнатамъ отъ „хозяйки“ усталыя „чайки“... Плетутся съ убитой вѣрой на сердцѣ, готовыя проклинать „то святое искусство“, о которомъ еще недавно такъ сладко и радостно грезилось. Потухаетъ послѣдняя лампочка. Стихли шаги на лѣстницѣ.

Всѣ ушли.

Бюро заперто.

Но кажется, что въ этомъ огромномъ залѣ, теперь пустомъ, накуреномъ, надъ которымъ носится все еще несобѣдливый противный туманъ, во мракѣ, бьется, словно плѣнница о стѣны тюрьмы, — трепещущая, израненная чайка, эта „душа“ этотъ трогательный, волнующій символъ русской актрисы. Бьется и рыдаетъ... О чемъ? Объ умчавшейся молодости, о разбитой вѣрѣ, объ „озерѣ“, надъ которымъ, счастливая, свободная летала она когда то, о томъ, кто пришелъ и „отъ нечего дѣлать“ погубилъ ее...

Темно въ залѣ...

И все какъ будто бы слышится надорванный, тоскливый голосъ:

— Я чайка... Нѣтъ, не то... Я актриса.

Ю. Соболевъ.

неско (Гебенъ) и съ успѣхомъ имитировала г-жа Давыдова. Публики было биткомъ. Цѣль вечера — благотворительная: чистый сборъ — въ пользу дѣтскаго дома трудолюбія невскаго общества пособія бѣднымъ. Было много цвѣточныхъ подношеній.

Много зрителей собралъ вечеръ г-жи Ведринской, въ которомъ „драматич. артистка“ въ длинномъ греческомъ одлиніи, съ свѣтильникомъ въ рукахъ, далеко не пластично воздѣвала руки къ небу, дѣлая при этомъ строгое, анти-художественное лицо. Поставленные сцены „Труверъ“ явились живою движущею картиною съ пѣнями старинной Франціи и съ мелодичною музыкою. Недурень комическій балетъ М. Кузьмина Типиченъ въ роли слуги В. Э. * * * и много граціи внесла въ исполненіе своей роли М. А. Ведринская. Минусъ вечера — длинные антракты.

Въ Екатерининскомъ театрѣ пріютилась еврейская оперетта. Съ большимъ успѣхомъ прошла мелодрама (по афишѣ — оперетта) Гольдфаена „Колдунья“. Хорошіе, свѣжіе сильные голоса, красивая игра, добросовѣстная постановка — все располагало зрителя въ пользу артистовъ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ не имѣющие права жительства въѣзды, были, къ сожалѣнію, замѣнены любителями. Примадонна труппы г. Хвольская — художественно обрисовала роль Миреле. Недурень г. Мельниковъ, travesti — колдунья: Баба-Яхны; хороши Миретранскій (жены Маруси) и Хвольскій (Гоцманъ). Ангажирована постановка популярной оперетты того же автора „Суламнеъ“.

В. В. Лужскій — Репетилонъ въ „Горѣ отъ ума“.

* * *

1 апрѣля умеръ М. А. Врубель, великій артистъ русской живописи, человекъ, одаренный тонкой, сложной, многогранной, сильно реагирующей на всякое внѣшнее впечатлѣніе художественной душой. Еще недавно въ пользу больного Врубеля Зилотти устраивалъ концертъ и вотъ... всѣ муки „тихаго страдальца“ окончились, къ счастью для него самого, потому что чуткому воспримчивому генію жить, потерявши зрѣніе, здоровье и нормальность разсудка, ясно сознаваемую въ „свѣтлѣ“ промежутки болѣзни, невыносимо тяжело! Такимъ образомъ смерть явилась для Врубеля избавительницею. Но всѣхъ насъ, оставшихся въ живыхъ, она окутала крепомъ тоски и раздумья. Врубель — художникъ первоклассный. У него была поразительно прекрасна гармонія красокъ, удивительная красочная гамма, необузданная смѣлость замысла, мастерское исполненіе. И, однако, сколько горя, тяжелыхъ минутъ пережила молодой Врубель, чтобы создать себѣ имя, заставить признать въ себѣ геніальнаго художника. Не легка и терниста судьба русскаго таланта... Единственно свѣтлою полосою въ своей жизни Врубель считалъ проведенные дни въ Москвѣ, когда подъ покровительствомъ Саввы Мамонтова онъ создавалъ чарующіе по фантастичности декоративные мотивы.

Хоронили Врубеля въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Было много художниковъ. На отпѣваніи присутствовали: ректоръ академіи художествъ, академикъ Беклемишевъ, проф. Чистя-

Петербургъ.

Петербургскіе этюды.

(Отъ собственнаго корреспондента.)

Концертъ Каринской. Вечеръ М. А. Ведринской. Еврейская оперетта. Смерть Врубеля.

Въ залѣ Дворянскаго собранія состоялся концертъ исполнительницы русскіхъ и цыганскихъ пѣсенъ г-жи Каринской, которая, подобно метеору, мелькнула на сценическомъ горизонтѣ и быстро успѣла завоевать себѣ имя благодаря богатому, сочному голосу и красивымъ внѣшнимъ даннымъ. Программа концерта была интересна и разнообразна: оркестръ (г. Волгина), гитара (г. Сварогъ), мандолина (г. Ломанъ), хоръ цыганъ Шишкина, пѣвица Тимофеева, теноръ г. Лебедевъ (строфы „Нерона“), вокальный квартетъ, исполнившій извѣстную „серенаду 4-хъ кавалеровъ“ Бородина, наконецъ — баллада (г. Трояновскій); все производило хорошее впечатлѣніе, создавая артистамъ безспорный успѣхъ. Читалъ неизмѣнный г. Глаголинъ неизмѣннаго „Шантеклера“, смѣшила г. Озаровская, „очаровала“ публику „музыкою темперамента“ г. Лео-

В. В. Лужскій — проф. Серебряковъ въ „Дядѣ Ванѣ“.

ковъ, проф. Матѣ, секр. акад. В. П. Лобойковъ, академикъ Н. К. Рерихъ, художн. А. Бенуа, архит. Л. Бенуа, художн. Сѣровъ, Кривицкій, скульпторъ И. Гинзбургъ, Гольблатъ, Лукомскій и др. Было много вѣнковъ и живыхъ цвѣтовъ.

Миръ праху генію-страдальцу Врубелю!

Вас. Базилевскій.

Въ Маломъ театрѣ состоялось первое представленіе „Шантеклера“. Билеты на три первые спектакля были давно уже расписаны.

„Шантеклеръ“ имѣлъ въ общемъ средній успѣхъ. Новизна постановки и необычность костюмовъ заинтересовала публику, съ большимъ любопытствомъ слѣдившую за первымъ актомъ.

Наиболѣе успѣха выпало на долю третьяго дѣйствія — рауть у цесарки, гдѣ особенно понравились танцы, повторенные по требованію публики.

Въ общемъ — постановка и исполненіе недурны.

Г. Глаголинъ — Шантеклеръ, г. Сладкопѣвцевъ — Дроздъ и г-жа Музиль-Вороздина — фазанья курочка имѣли успѣхъ. Музиль-Вороздиной поднесли цвѣты.

Мелочи театральной жизни.

Въ одной изъ газетъ въ одну изъ театральныхъ замѣтокъ вкралась смѣшная опечатка. Замѣтка должна была гласить слѣдующее:

Оед. Соллогубъ закончилъ новую пьесу „Жестокій опытъ“. Пьеса пойдетъ въ театрѣ Незлобина. Тамъ же пойдетъ пьеса „Безумная дѣва“ (La vierge folle) Анри Батайля.

Между тѣмъ по недосмотру корректора замѣтка появилась въ слѣдующемъ видѣ:

Оед. Соллогубъ закончилъ новую пьесу „Жестокій опытъ“. Пьеса пойдетъ въ театрѣ „Неразумной дѣвы“ (La vierge folle) Анри Батайля.

Курьезнѣе всего, что цѣлый рядъ провинціальныхъ газетъ перепечатали эту замѣтку и заставили провинціальныхъ театраловъ ломать голову, — что это за театр „Неразумной дѣвы“.

Провинціальный антрепренеръ рассказываетъ слѣдующую курьезную исторію.

Добившись постановкой патристическаго спектакля расположенія губернатора, онъ обратился къ послѣднему съ просьбой разрѣшить постановку „Анатѣмы“ (дѣло было еще до запрещенія). Послѣ долгихъ колебаній губернаторъ далъ согласіе на постановку, но поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ финалѣ Давидъ Лейзеръ былъ ангелами поднятъ на небо. Пришлось покориться. Стали готовиться къ „поднятію“, но въ это время пришло изъ Петербурга запрещеніе, и пьеса Андреева не удостоилась такого умилительнаго финала.

Про одного находчиваго драматурга, поставщика трескучихъ пьесъ для провинціи, рассказываютъ, что онъ принялся за передѣлку своей пьесы изъ русской жизни въ пьесу изъ еврейской жизни, замѣняя русскихъ героевъ — евреями. Онъ откровенно говоритъ, что на еврейскія пьесы „спросъ великъ“.

Romanzero.

*Разъ на вечеръ интимномъ
У одной прелестной доньи
Послѣ ужина и тѣсенъ,
Подъ гитару донъ Альваро,
Послѣ „сказокъ Шехразады“
За яванной и токайскимъ
Кабальеры и сеньоры
Принялися за гаданье,
Окруживъ иманку Густу.*

*Каждый ей ладонь подноситъ.
Густа юная смѣется
И, принявши видъ надменный,
Говоритъ, нахмуривъ брови:
„Вамъ, сеньоръ, прозитъ несчастье
Съ вашей тещей безпокойной.
Сеньорина, скоро, скоро
Повлечетъ васъ къ аналю
Донъ Хуанъ изъ Саломанки“.*

*— Ну, а мнѣ, что скажетъ Густа? —
И поэтъ Мартинъ Ризотто
Робко ей подноситъ руку.
„О, у васъ одни страданья
О любви/ о славѣ вижу!
Вѣчно будете вздыхать вы,
Провожая дамъ прелестныхъ,
О лунь, о звездахъ чистыхъ,
Объ изысканныхъ восторгахъ!“*

*Но едва вы захотите
Испытать восторгъ на дѣль
И хотя бы поцѣлуемъ
Увѣнчать свои мечтанья,
Васъ поэзія покинетъ
Навсегда и безвозвратно...“
На такое предсказанье
Засмѣялись дамы звонко.
„Что за прелесть эта Густа!“.*

*И, отвѣдавши по чайкѣ
Удивительнаго мокко,
Дамы стали расходиться...
Какъ любезный кабальеро,
Донъ Мартинъ подходитъ къ Густѣ
И съ улыбкой робкой проситъ
Проводить ее домой:
„Мы живемъ почти что рядомъ,
Ночь же такъ темна, не правда ль?“*

*По дорожъ рѣчь заводитъ,
Какъ и слѣдуетъ поэту:
О веснѣ, о грустныхъ звездахъ,
О желаніи неясномъ
Жутихъ ласкъ, обгятій нѣжныхъ...
Говоритъ онъ вдохновенно...
Вдругъ, сорвавъ съ волосъ сомбреро,
Сбросивъ плащъ, ее онъ... обнялъ
И уста поймалъ устами.*

*„Ну, а какъ же предсказанье?“
Прошептала тихо Густа.
— О, святой Францискъ, да развѣ
Стоять всѣ мои писанья,
Вся поэзія Петрарки
Этой сказочной минуты!
О пойми, пойми же, Густа,
Я теперь лишь сталъ поэтомъ,
Ты же — первый мой сонетъ!“*

Юрій Ракитинъ.

Изъ жизни Э. П. Горева.

Покойный Э. П. Горевъ послѣ его триумфальной поѣздки въ Берлинъ вмѣстѣ съ М. Г. Савиной получилъ отъ германскаго императора, въ подарокъ, булавку съ брилліантовымъ прусскимъ орломъ.

— Говоря совершенно искренно, я былъ увѣренъ въ нашемъ успѣхѣхъ, — рассказывалъ онъ. — Публика Малаго театра, въ Москвѣ, напримѣръ, состоитъ изъ лучшей, интеллигентнѣйшей части зрителей.

Даже въ райкѣ можно увидѣть профессоровъ, учащуюся молодежь и многихъ представителей интеллигенціи.

Почему же думаютъ, что наша интеллигенція ниже по своему развитію, чѣмъ нѣмецкая?

Оцѣнка такой части русской публики давала смѣлость надѣяться, что и нѣмцы сумѣютъ оцѣнить простоту и реальность игры русскихъ артистовъ, превосходящихъ въ этомъ отношеніи иностранныхъ артистовъ, всюду и вездѣ приближающихся къ паѳосу.

— Эти качества, — сказалъ Э. П., — были признаны за русскими артистами самимъ Вильгельмомъ II-мъ, который, послѣ „Василисы Мелентьевой“ высказалъ мнѣніе, что нѣмецкимъ артистамъ не мѣшало бы поучиться у русскихъ...

* * *

Про Э. П. Горева сохранилась масса анекдотовъ.

Въ первые годы своей службы на Александринской сценѣ онъ часто выступалъ въ водевилѣ, написанномъ стихами, „Которая изъ двухъ“.

Въ это время суфлеромъ на Александринской сценѣ служилъ Троепольскій, имѣвшій привычку говорить въ рѣмю.

Однажды Горевъ явился въ театрѣ чѣмъ-то разстроенный и перенуталъ заключительныя слова водевиля.

Слѣдовало сказать:

Не даромъ же девизъ я Цезаря твердилъ, —

Вотъ, господа: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

Думая о чемъ-то другомъ, Горевъ сказалъ:

„Не даромъ же сюда сегодня я явился“...

Увидѣвъ свою ошибку, артистъ растерялся и сталъ умоляюще смотрѣть на суфлера.

Троепольскій не заставилъ себя ждать и подсказалъ:

— Пришелъ, увидѣлъ и женился...

Все это произошло такъ быстро, что публика ничего не замѣтила...

Благодарный Горевъ расцѣловалъ послѣ спектакля Троепольскаго.

* * *

Едва ли кому-нибудь изъ артистовъ не везло въ жизни, какъ Э. П. Гореву...

Въ самомъ расцвѣтѣ силъ и блескѣ таланта онъ дебютировалъ на Александринской сценѣ, но не былъ принятъ.

Причина очень проста: на „образцовыи“ сценѣ въ то время господствовало кумовство, а Горевъ, явившійся изъ провинціи, былъ чужой.

Спустя нѣсколько лѣтъ его приняли, но... не давали ролей.

Опять причиной былъ фаворитизмъ.

Тогдашній начальникъ репертуара, П. С. Федоровъ, былъ въ большой дружбѣ съ Н. Ф. Сазоновымъ и А. А. Нильскимъ, а Э. П. Горевъ претендовалъ на ихъ амплуа.

Пришлось перекочевать въ Москву.

Нѣсколько разъ талантливыи артистъ то уходилъ съ казенной сцены, то — возвращался.

Лѣтъ десять тому назадъ, судьба въ 1001-й разъ заставила его уйти съ казенной сцены и искать счастья въ провинціи.

— Я примирился съ своей кочевой жизнью, — грустно говорилъ онъ. — Но у меня есть дѣти. Двое изъ нихъ обучаются здѣсь въ гимназіи. Судите сами: каково мнѣ оставить ихъ однихъ, въ большомъ городѣ...

Въ голосѣ Э. П. слышались слезы, настоящія отцовскія слезы...

За рубежомъ.

— Извѣстный журналистъ Максимиліанъ Гарденъ выступилъ на дняхъ въ Берлинѣ съ интереснымъ докладомъ о состояніи современнаго театра, вообще, и нѣмецкаго, въ частности. Отмѣтивъ успѣхъ слабыхъ во всѣхъ отношеніяхъ пьесъ, какъ напримѣръ, „Strandkinder“ Зудермана, и провалъ несомнѣнно талантливыхъ, онъ констатируетъ, что наше поколѣніе перестало понимать подлинное драматическое искусство и вмѣсто сильной драмы довольствуется какими-то „Набросками изъ жизни“. На фонѣ этой безотраднѣй картины онъ отмѣчаетъ — для нѣмецкаго театра — только двѣ болѣе или

менѣе яркія пьесы: это „Tantris der Narr“ (Шутъ Тантрисъ) Э. Хардта и „Concert“ Бара.

— Въ Алжирѣ въ Новомъ театрѣ, во время представленія оперетки, разыгралась, какъ телеграфируютъ изъ Парижа, ужасная сцена.

Въ одной изъ ложъ партера сидѣла вѣкая Марія Алезъ, молодая красивая особа, находившаяся въ сожителствѣ съ семейнымъ челоѣкомъ Апесквино, который ради нея оставилъ жену и двоихъ дѣтей. Апесквино находился тутъ же въ ложѣ.

Вдругъ среди представленія раздался раздирающій душу крикъ, и зрителямъ представилась ужасная сцена. Глаза Маріи Алезъ и все лицо ея были облиты купоросомъ. Возлѣ нея стояла жена Апесквино и бритвой рѣзала ей горло. Все платье Алезъ было залито кровью. Оттащить обѣзумѣвшую женщину отъ ея жертвы удалось съ величайшимъ трудомъ.

Алезъ отравили въ больницу. Состояніе ея здоровья внушаетъ опасенія. Зрѣніе она потеряетъ во всякомъ случаѣ.

Вмѣстѣ съ Алезъ пострадала сидѣвшая рядомъ съ ней дѣвушка, совершенно не причастная къ семейнымъ счетамъ Апесквино. Нѣсколько капель купороса попали ей на лицо и на платье. Главный виновникъ всей этой трагедіи остался цѣлъ и невредимъ.

В. В. Лужскій—Андрей Прозоровъ въ „Трехъ сестрахъ“.

О солдатскомъ театрѣ.

Въ одномъ изъ военныхъ журналовъ, сухомъ и анемичномъ, мрачномъ и тоскливомъ, точно исходящая за трудно-выговариваемымъ номеромъ, прочиталъ умную и интересную замѣтку одного случайнаго сотрудирика о солдатскомъ театрѣ. Случайно подвернулся журналъ и такъ поразила эта интересная случайная замѣтка. Даже отраднѣе стало сердцу бывшаго военнаго, переживающаго и лично переживавшаго всю эту своеобразную жизнь, далекую отъ культуры, интеллектуальной работы, просто работы еще неастрофированнаго человеческого мозга. Нужно дѣйствительно только самому побывать въ этой средѣ, въ этой сѣрой массѣ страстотерпцевъ, чтобы понять, насколько цѣнна всякая такая умная мысль, какъ мысль вышеуказаннаго автора.

У русскаго солдата рѣдко бывають такіа минуты, которыя бы можно было посвятить развитію своего ума, черпанію человеческой культуры. Сѣрый и забытый, голодный и измученный, русскій мужикъ, оторванный отъ сохи, едва научается на службѣ водить по складамъ и помнитъ званіе и фамилію своихъ прямыхъ начальниковъ. У него масса излишней, ненужной работы, отъ которой избавить его сейчасъ пытаются наши штабные реформаторы. И вотъ въ рѣдкую минуту свободы, — а она приходитъ въ большой праздникъ — полковой или двенадцатый, — солдату готовъ въ развлеченіе: „кіатуру“. Грустно, мучительно тяжело бываетъ наблюдать ту убогость и средневѣковость, какую представляютъ эти солдатскія развлеченія.

Чаще всего сѣрую публику ведутъ въ заглянувшій случайно въ городъ стоянки циркъ. Жалкій нищій, находящійся на первобытнѣйшей ступени своего провинціального развитія, циркъ этотъ являетъ такое „искусство“, что оно даже сѣраго мужика не заинтересовываетъ. Туша, пошлая острога, незамысловатые, но характерные по своей дикости, номера... Пресловутая наѣздница съ оголеннымъ выше предразсудка и ниже всякой критики туловищемъ... Гротескъ на несоблюданной лошади... Въ результатѣ недоумѣніе на сѣрыхъ лицахъ и неудовлетворенность.

Въ большіе полковые праздники, которые являются цѣлымъ событіемъ для огромной массы людей, полкъ устраиваетъ собственныя развлеченія. Помню одинъ такой праздникъ въ лагеряхъ, расположенныхъ въ чудной по своей природной красотѣ мѣстности, на берегу Западной Двины, совсемъ недалеко отъ Петербурга. Огромную открытую пло-

„Кривое зеркало“.

Марш немецких солдатъ.

Каннанъ.

Рисунки Мики Микунъ.

шадь силою искалѣчили сооруженными деревянными строениями и др. незатѣйливыми „постройками“. Вы помните балаганна развлеченія, что устраиваются на Пасху для народа?! „Ванька Рукю-то“, хожденіе на головѣ, натянутое кольцо, столбъ, намазанный саломъ съ рублевой гармоникой наверху — трофеемъ побѣдителя, — „перекидки“... „Гвоздь“ представленія — непременно жонглеръ или глотатель зажженной пакли, гвоздей, ножей, вилочъ и разбитыхъ пивныхъ бутылокъ. Иногда фокусникъ или „индійскій“ чародѣй, по паспорту несомнѣнно ковенскій или гомельскій мѣщанинъ...

И вотъ это — „театръ“ . или „кіатру“, какъ его называютъ сѣрый солдатъ. Онъ беретъ свое начало въ той мрачной для культуры полосѣ, когда россиянинъ проводилъ на военной службѣ 25 лѣтъ. Тамъ съ тѣхъ поръ все и осталось неизбѣжнымъ, „самобытнымъ“.

Когда вашъ покорнѣйшій слуга носилъ военный мундиръ, — это было совсѣмъ не столь давно, — „театръ“ этотъ уже не удовлетворялъ сѣрую массу. Жаждали чего-то болѣе культурнаго. И вы знаете, что сослужило огромную службу развитію солдатскаго театра? Иллюзионы! Здѣсь разыгрывались цѣлыя пьесы, пусть примитивныя по своей конструкціи, мелодраматичныя, но все же пьесы. Отсюда уже пришли къ заключенію самимъ устраивать для солдатъ спектакли или водить ихъ въ настоящіе театры.

Авторъ замѣтки въ военномъ журналѣ останавливается именно на современномъ положеніи солдатскаго театра, уже вкусившаго „реформы“. Онъ справедливо признаетъ, что и сейчасъ еще театръ, самый обыкновенный театръ, такой, какимъ знаютъ его всякіе Тьмутараканы — несбыточная мечта для солдата. Конечно потому, что и этотъ культурный институтъ связанъ непременно съ „политикой“. Ближайшее начальство очень неохотно водить солдатъ въ театры, а еще неохотнѣе устраиваетъ спектакли у себя. Къ солдату вѣдь вообще принято подходить съ особой мѣрккой и многіе такія затѣи, какъ театръ, считаютъ вольнодумствомъ. Какъ напр., газету. Впрочемъ, не газету вообще, а именно газету не той окраски, какой снабжаютъ военнотружущаго сейчасъ.

Между тѣмъ именно такое отношеніе къ солдату является чрезвычайно пагубнымъ и отражается на качествахъ и свойствахъ нашей арміи. Будемъ считатьъ съ существующимъ status quo и не явимся оптимистами, вѣрящими въ скорое разрушеніе народовъ. Посмотрите на армію — не говорю ужъ объ особенно старыхъ по своему совершенству — японскую, давшую намъ еще вчера тяжелый, больной урокъ. Тамъ сдѣлаво все для большаго приобщенія солдата къ культурѣ: газеты, лекціи, вечера, театры... Съ одинаковымъ рвеніемъ развиваютъ въ солдатѣ не только ручныя и ножныя мышцы, но и мозгъ. Вѣдь и онъ требуетъ „гимнастики“, чтобы не атрофироваться. Въ результатѣ японскій солдатъ развитъ, смыслелъ, находчивъ и самостоятеленъ. Эти качества дали блестящіе результаты, когда армію выставили противъ врага. Зато совершенно противоположные результаты дала наша „политика“, политика удаленія солдата отъ культуры. По окончаніи войны только и слышались жалобы наиболѣе интеллигентныхъ и чуткихъ офицеровъ: насъ побилъ японскій букварь, вмѣстѣ съ европейской цивилизаціей. Вышло такъ, что не японцы оказались азиатами, а мы.

Въ отношеніи театра указанный мною выше авторъ рекомендуетъ устраивать въ каждомъ большомъ по количеству войска городѣ специальный солдатскій театръ. Конечно, легкій, недорогой, въ одномъ изъ свободныхъ войсковыхъ помѣщеній. И это предложеніе можно только привѣтствовать. У тѣхъ же японцевъ имѣются роскошные театры для солдатъ. Правда, въ нихъ много еще „національнаго“ по духу: и репертуаръ, и манера игры, и актеры... Но важно, конечно, не это, а то, что умъ солдата заставляютъ работать. Научите человѣка только мыслить и онъ самъ уже легко разберется въ томъ, что хорошо и плохо. Особенно, если сама жизнь даетъ хорошіе уроки. И тутъ, повѣрите человѣку, побывавшему въ этой средѣ, — совсѣмъ не страшны „Измаилы“. Свообразный народный умъ дѣлаетъ именно тѣ заключенія, какія необходимо. Разница только въ томъ, что импульсомъ здѣсь явится произведеніе „патріотическое“ въ смыслѣ военномъ.

Отрадно, что и у насъ начинать доходить уже до того, что необходимо устроить для солдатъ самый настоящій театръ. Миѣ лично положительно радостно было читать объ

этомъ. Сейчасъ мы занимаемся безконечными спорами на тему о царствѣ актера и режиссера, о стилизаціи и модернизациі, о „выявленіи“ и умерщвленіи „сущности“ пьесы etc. Въ пылу споровъ солдатскій театръ — пустячекъ, даже смѣшной пустячекъ, носящій притомъ же и специальный характеръ. Но, да повѣритъ читатель, что сіе „маленькое“ дѣло, это культуртрегерское вниманіе къ солдату по своимъ конечнымъ результатамъ можетъ оказаться несомнѣнно значительно успѣшнѣе, чѣмъ дебаты на вышеуказанную тему. Въ сущности вѣдь мы всё занимаемся сейчасъ только „малыми дѣлами“...

А. Ардовъ.

Еще о „критикѣ“ и „критикахъ“.

Какъ-то недавно въ одномъ изъ № „Театра и Искусства“ была напечатана замѣтка одного изъ провинціальныхъ корреспондентовъ журнала, выражавшая пожеланіе, чтобы предприниматели справлялись о „качествахъ“ артистовъ по отзывамъ, приведеннымъ въ систему, гг. корреспондентовъ. Хочется въ видѣ иллюстраціи нравовъ провинціальныхъ рецензентовъ привести слѣд. возмутительный случай, о которомъ рассказываетъ издающаяся въ Оренбургѣ газ. „Моментъ“:

Рецензентъ „Оренбургской Газеты“ Туркельтаубъ, будучи съ компаніей въ ресторанѣ, „похвалялся“ (такъ аттестуетъ „Моментъ“ выходку г. критика!), что онъ пользуется всюду такимъ вліаніемъ, что „все можетъ“... И чтобы доказать это свое могущество, послалъ незнакомой съ нимъ артисткѣ городского театра г-жѣ Н. приглашеніе явиться въ кабинетъ ресторана. Однако, финалъ получился неожиданный: явился вмѣстѣ г-жи Н... ея супругъ и потребовалъ объясненія...

Результатъ этой грязной исторіи таковъ: редакціонный комитетъ газеты, гдѣ „работалъ“ этотъ юный критикъ (г. Туркельтаубъ лѣтъ 20—22) предложилъ ему „на время“ выѣхать изъ города въ сосѣднюю слободу... Тутъ все удивительно; и начальство сотрудника, приглашающаго незнакомую артистку въ кабакъ, и отношеніе редакціи къ поступку г. Туркельтауба. Неужели можно такую мѣрою — какъ временная высылка, а не изгнаніе изъ состава сотрудниковъ, — воздѣйствовать на подобныхъ господъ?..

И имъ-то хотять наивные люди вѣрнѣе оцѣнку актера...

„Кривое Зеркало“.

Мика Микунъ.

Рис. Эльсаго.

Типы Театрального бюро.

Русская „босоножка“.

Шаржъ Andre'a.

Письма изъ Одессы.

XV.

Не везетъ намъ въ этомъ году съ театромъ. Было прошель зимній сезонъ. Разсчитывали на постъ; но и тутъ оказалась неудача. Объявили о такъ долго-жданнхъ спектакляхъ итальянской оперы: гастролеры, гастролеры, мировые пѣвцы. Сразу какъ-будто и повѣрили, потому что забыли, что антрепренеромъ является ловкій предприниматель—торгашъ Кастеллиано. Скоро однако увидѣли настоящій цвѣтъ товара и глубоко разочаровались. Нужно дѣйствительно слишкомъ много смѣлости, чтобы позволить себѣ выступать передъ избалованной одесской публикой съ такой оперой, съ какой выступилъ г. Кастеллиано. Такую оперу подстать слушать какой-нибудь Умани или Кшиневу, гдѣ даже соборный дьяконъ слыветъ Шаянинымъ... Мало того, что опера плоха — ее еще рекламируетъ самымъ беззащитнымъ образомъ антрепренеръ. У него ежедневно гастролы: сегодня 1-го тенора, завтра — второго, послѣзавтра — третьяго. И такъ чуть ли не до послѣдняго хорста и рабочаго. Конечно, публика должнымъ образомъ относится къ оперѣ г. Кастеллиано и сборы довольно-таки не блестящіе. Единственной поддержкой являются прѣзжіе, посѣщающіе охотно и такую оперу. Вѣдь дома и этакой нѣтъ!

Интересно отмѣтить, что за кулисами оперы Кастеллиано, по обыкновению, продолжаютъ „недоразумѣнія“ съ актерами. Сегодня Кастеллиано судится съ однимъ, завтра съ другимъ. Обычная тактика г. Кастеллиано — завлечь въ далекую Россію актера и тутъ его поставить въ такое положеніе, чтобы онъ даже ахнуть не могъ. Нечего сказать, хорошій антрепренерчикъ!

Это въ театрѣ городскомъ. Въ Сибиряковскомъ сейчасъ малороссы г. Колесниченко. Г. Колесниченко — одинъ изъ идейнѣйшихъ антрепренеровъ украинской сцены. Человѣкъ молодой и культурный, г. Колесниченко усиленно насаждаетъ новый, идейный репертуаръ. У него самого есть нѣсколько интересныхъ пьесъ, въ которыхъ фигурируютъ и Дума, и Народное движеніе, и „запросы“ деревни. Ставить онъ и много хорошихъ чужихъ пьесъ. Правда, пьесы эти иногда кажутся ужъ слишкомъ примитивными по своей конструкціи; но вѣдь это станетъ понятно, если мы вспомнимъ украинскій бытъ, отъ котораго уходитъ вѣдь невозможно украинской труппѣ. Тутъ свои своеобразные взгляды, идеология, характеры, понятія, предрасудки, вѣрованія. Отнимите это и — исчезнетъ украинскій репертуаръ, ибо исчезнетъ украинскій бытъ.

Группа у г. Колесниченко — довольно значительная. Есть хорошіе пѣвцы и недурные актеры, среди которыхъ ярко выдѣляется самъ г. Колесниченко, обладающій красивой

сценической вышностью и благодарнымъ голосомъ. Особенный успѣхъ у публики имѣли гастролы М. Л. Кропивницкаго, прошедшіе при переполненномъ театрѣ. „Ватько“ украинской сцены сейчасъ на отдыхѣ, у себя въ имѣніи. И его случайныя гастролы поэтому особенно тепло были приняты публикой.

Для театра смѣха — „Ви-ба-бо“ — постъ оказался положительно золотымъ дномъ. Идущіе учаственнымъ темпомъ спектакли собираютъ полный залъ публики. Этотъ театръ, повидимому, окончательно устроившійся уже въ „Гармоніи“, создалъ себѣ прочную почву въ городѣ. Его охотно посѣщаютъ, потому что здѣсь легко и непринуждено можно смѣяться надъ самимъ собой, надъ своими недостатками и слабостями, выводимыми въ „кривомъ зеркалѣ“. Самъ по себѣ этотъ театръ заслуживаетъ безусловной поддержки; но въ немъ есть, несмотря на его уже почти 4-хъ мѣсячное существованіе, большія слабости. Репертуаръ бѣденъ и потому часто не удовлетворяетъ публику. Особенно слабы музыкально-вокальные номера, положительно напоминающіе собой обычный дивертисментъ. Нѣтъ чего-то оригинальнаго, особенно талантливаго, яркаго, примѣчательнаго... Куплеты, куплеты и... обычное оперно-опереточное пѣніе. Самое главное въ этомъ отдѣленіи шаржъ, имитация, пародія — отсутствуютъ. Отсутствуютъ потому, что до сихъ поръ инициаторы театра не могутъ найти яркихъ исполнителей для муз.-вок. отдѣленія.

Изъ пьесъ, главнымъ образомъ, успѣхомъ пользуются шутки и пародіи г. Незнакомца. Сейчасъ идетъ „Комедія брака“, безусловно злая пародія на пьесу г. Юшкевича. Публикѣ нравится то, что здѣсь „раздѣлываютъ“ Юшкевича за его „поклепъ“, введенный на евр. буржуазную семью.

Въ послѣдній спектакль большій успѣхъ имѣла пьеска г. Лознгрива „Провинціальная газета“, рисующая бытъ провинціальнаго газетчиковъ. Изъ исполнителей въ „Ви-ба-бо“ интересны: г-жи Ваянова, Молчановская, Райпольская, Тарьева и др.; гг. Ратушенко, Картсовъ, Измайловъ, Игоревъ, Волховской. Интересна выставка шаржей и карикатуръ въ самомъ зрительномъ залѣ театра, въ которой экспонируются худ. Дризо, Линскій, Размайльскій и др. Дѣла великолѣпныя.

Затѣмъ еще рядъ мелкихъ театральныхъ событий: интересный спектакль учениковъ школы Морской — „Мѣщанинъ“, въ которомъ выдѣлились гг. Волховской, Рудинъ, Владимировъ, г-жа Скарято... Спектакли Радина, концерты, отдѣльныя гастролы. Среди нихъ особенно интересной явилась гастроль Собинова въ „Виржѣ“. Успѣхъ онъ имѣлъ огромный.

А. Ар—овъ.

Письма изъ Пензы.

1-го мая Пензенскій народный театр драматическаго кружка вступилъ въ 15-лѣтній сезонъ своего существованія. Для учрежденія *Общественнаго* — это срокъ огромный, почтенный, и если и не юбилейный, то позволяющій подвести кое-какіе итоги. Когда-нибудь напишутъ, вѣроятно, люди, близко стоящіе къ театру, исторію его возникновенія и развитія, исторію весьма поучительную, рассказъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ при энергіи и любви къ дѣлу кучки самоотверженныхъ людей можно не только благополучно доводить до

Типы Театрального бюро.

„Культурный“ комикъ.

Шаржъ Andre'a.

Рига. Русскій городской театръ.

Антрепренеръ Н. Н. Михайловскій.

конца сезонъ за сезономъ, не сводитъ только концы съ концами, но и возвыситъ значеніе, когда то-маленькаго, любительскаго дѣла, до размѣровъ одного изъ самыхъ большихъ, солидныхъ, и, я сказалъ бы, *честныхъ* театральныхъ лѣтнихъ дѣлъ въ Россіи. Я и не собираюсь представить такой исторической очеркъ, — но не могу не сослаться на цифры, которыя краснорѣчивѣе всякихъ статей повѣствуютъ объ этомъ знаменательномъ ростѣ общественнаго народнаго театра.

Въ первый годъ своего существованія (играли любители и нѣсколько профессионаловъ) въ 1896 году — спектаклей за сезонъ было дано 15, средній ихъ сборъ равнялся 115 руб. на спектакль, въ 1899 году спектаклей уже было 51, со среднимъ сборомъ въ 199 руб. Въ 1903 г. — 53 спек.; ср. сборъ достигаетъ 242 руб., въ 1908—70 спек., сборъ на спектакль въ среднемъ равняется 289 руб., а въ 1909 на 67 спектаклей, средній сборъ возрастаетъ до 306 руб.; при чемъ за этотъ сезонъ валовой сборъ выразился въ суммѣ 20503 руб. Дѣло начало, какъ сказано выше, любители, но изъ ихъ среды вышли такіе провинціальныя артисты, какъ г-да Орловъ-Чужбининъ, Цвилленевъ, Ивановъ, г-жа Мундъ, г. Колпашниковъ и мн. др.

Блестящее матеріальное положеніе дѣла позволяетъ вотъ уже нѣсколько сезоновъ приглашать солидныя труппы, съ такимъ прекраснымъ составомъ, какъ напр. въ прошломъ году, когда служили: г-жи Роксанова, Борская, Волгина-Покровская; гг.: Михайловскій Н. Н., Тугановъ, Нелидовъ, Шахаловъ, Ростовъ и др.

Репертуаръ становится литературнымъ, выдержаннымъ; съ этой стороны слѣдуетъ въ особенности отмѣтить дѣятельность, служившаго нѣсколько сезоновъ, режиссера М. Е. Залѣсова.

Во главѣ дѣла стоитъ совѣтъ старшинъ, выдѣляющій изъ своей среды распорядителя, который въ сущности вѣдаетъ всѣми почти сторонами дѣла; набираетъ труппу, заботится о художественности репертуара и пр.

Такимъ распорядителемъ вотъ уже много лѣтъ состоитъ Д. С. Волковъ, одинъ изъ основателей театра, 15 лѣтъ состояющій въ совѣтѣ старшинъ, собравшій не мало труппъ и много эвергии положившій на процвѣтаніе театра. И для предстоящаго сезона имъ сформирована труппа въ такомъ составѣ: г-жи Мондшейнъ, Мундъ, Сергѣева, Борская, Матророва, Иванова, Церовская, Шатрова, Муратова, Лидина; гг.: Нароковъ, Залѣсовъ, Ланко-Петровскій, Шахаловъ, Линдъ, Соснинъ, Маловъ, Варнаковъ, Кавказовъ, Тольскій.

Режиссеры: М. Е. Залѣсовъ и М. С. Нароковъ; помощникъ реж. г. Крыжовъ; декораторъ Н. П. Ларинъ, администраторъ А. П. Ледаровъ; парикмахеръ г. Королевъ; суфлеръ Жуковъ. Начало сезона, вѣроятно, 1-го мая. Надо надѣяться, что и это лѣто будетъ такимъ же удачнымъ и интереснымъ для театра, какъ ему предшествовавшія.

С.

Трoвнжцiя.

Астрахань. Лѣто. Драма С. А. Соколова. На роли молодыхъ героинь и инженеро-драматикъ приглашена В. А. Македонская.

Астрахань. (Отъ нашего корреспондента.) Лѣтній драматическій сезонъ въ Астрахани—антреприза С. А. Соколова продолжится съ 25 іюня по 25 августа. Составъ труппы слѣдующій: г-жи—Кручинина-Годзи, Карелина, Македонская, Токкина, Мальцева, Павловская, Братанова, Гурова, Павловская 2-я, Жуковская, гг.—Соколовъ, Аяровъ, Годзи, Рейхштадтъ, Рукавишниковъ, Назимовъ, Вѣринъ, Гуровъ, Брянчиновъ и др. Режиссеры гг. Аяровъ и Соколовъ.

Баку. (Отъ нашего корреспондента.) Вторая половина великопостнаго сезона опернаго товарищества Эйхенвальдъ обогатилась гастролерами: четой Южиныхъ и Макасовымъ. Выступающъ гастролеры поочередно—черезъ день. Ермоленко-Южина, несмотря на плохую акустику сарая театра, заглушаетъ своимъ красивымъ голосомъ оркестръ и хоръ и чудные звуки проносятся по всему театру, заставляя зрителя замирать отъ восхищенія. Южинъ, какъ артистъ, заслуживаетъ вниманія и остатокъ когда-то могучаго голоса чувствуется и теперь. Макасовъ, старый пѣвецъ, уже не пользуется тѣмъ успѣхомъ, какимъ пользовался когда-то. Время наложило свою печать и всѣ усилія пѣвца взять чисто верхнюю ноту, безъ помощи жестовъ, не удаются, и онъ особеннаго успѣха не имѣетъ. Кромѣ гастролеровъ появилась новая артистка—лирическое сопрано Осипова, ученица Ряднова. Артистка обладаетъ красивымъ голосомъ, сильнымъ въ верхнемъ регистрѣ. Умѣние владѣть своими голосовыми средствами и хорошая игра доставляютъ много удовольствія. Второй нашъ маэстро, г. Миклашевскій, очень хорошо ведетъ оркестръ и хоръ. Сборъ опера дѣлаетъ отличные.

Пріѣхалъ къ намъ М. В. Дальскій со своей труппой, дастъ три спектакля.

Въ мѣстной газетѣ напечатана телеграмма отъ собственнаго корреспондента, изъ Москвы, слѣдующаго содержания: „Злобой дня московской театральной биржи является извѣстіе, что державшій въ Баку въ истекшемъ сезонѣ драматическую труппу антрепренеръ Каширинъ не уплатилъ нѣсколькимъ артистамъ своей труппы почти за два мѣсяца, въ то время какъ въ газетахъ сообщалось, что Каширинъ закончилъ театральнй сезонъ въ Баку съ барышемъ и аккуратно расплатился съ труппой. Такого рода сообщенія дали возможность Каширину набрать новую труппу. Въ артистическихъ кругахъ интересуются вопросомъ, кто сообщилъ печати невѣрныя свѣдѣнія. Въ театральное бюро поданъ протестъ.“

Прочитавъ такую замѣтку, невольно задаешь вопросъ: какому корреспонденту понадобилось такъ некрасиво лгать и скрыть истину поступка г. Каширина?

И. А. Пресманъ.

Владикавказъ. Составъ драматической труппы Э. А. Малиновской для Владикавказа на сезонъ 1910—11 гг.

Пока заключены контракты, главнымъ образомъ съ первыми персонажами, которые составятъ „ядро“ труппы.

Женскій персоналъ. Г-жи: Милокова (мол. героиня), Чернова (coquette), Ольгина (ingénue dram. и comique), Райская (ingénue), Мануйлова (coquette и характ.), Прокофьева (старуха), Ларина (характ. и grand-dame), Щуровская (вод. съ пѣніемъ), Остроградская, Корнева (2 gr.-dame) и др.

Мужской персоналъ. Гг.: Вронченко-Левицкій (герой), Бѣлина-Бѣлиновичъ (характ. комикъ-резонеръ и режисс.), Сумароковъ (любовникъ), Влад. Петипа (jeun. comiq.). Кавказовъ (ком.-буффъ), Мюдушевскій (резонеръ), Ремизовъ (люб. и характ.), Пасоховскій (2 люб.), Хованскій, Глобовъ и друг.

Открытіе сезона послѣдуетъ 1 октября.

Воронежъ. Лѣто. Драма. Дирекція Н. П. Казанскаго. Пока приглашены: Колосова Р. С., Самсонова Е. Л., Головановъ А. И., Извольскій. Приглашена на гастроли В. Н. Ильнарская.

Воронежъ. (Отъ нашего корреспондента.) Съ 28-го марта въ зимнемъ городскомъ театрѣ начались гастрольные спектакли т-ва лирико-комич. оперы подъ управленіемъ Л. Я. Ушинскаго.

Репертуаръ назначенъ исключительно опереточный.

Въ составъ труппы вошли: г-жи А. М. Янковская, Л. М. Леонтовичъ, С. Т. Потоцкая (лирическая), Н. Д. Глорія, А. М. Марченко (каскадная); Е. Г. Сандуца, А. Г. Ярославцева (комическая); И. И. Левницкая и М. С. Яковлева (2-я роли); гг. А. Л. Браининъ, В. П. Черпаковъ (тенора); М. К. Драгошъ, В. М. Валерьяновъ (баритоны); А. Е. Жарковскій, А. П. Потоцкій (баса); Г. А. Вороновъ (протастъ); Н. Н.

Никольскій-Франк, А. В. Большаковъ (комики); В. М. Шипуль и К. Л. Гельбергъ (2-я роли).

Для перваго спектакля была поставлена оперетка „Въ волнахъ страстей“, имѣвшая успѣхъ.

Труппа очень понравилась публикѣ, но сборы пока не важные,—причиною предстоящіе праздники. Спектакли закончатся среди 6 недѣли поста.

Съ 28 марта, въ театрѣ Народнаго дома начало давать спектакли т-во украинскихъ опереточно-драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ А. Я. Рыбченко, при участіи артистокъ М. В. Чаровой и А. Г. Андреевой. Спектакли продлятся до Фоминной недѣли.

Труппа и хоръ хорошіе, и спектакли проходятъ хорошо.

Многіе изъ артистовъ и артистокъ труппы знакомы нашей публикѣ по прежнимъ спектаклямъ.

В. П. Род—хъ.

Елисаветградъ. (Отъ нашего корресп.) Такъ мало давній намъ зимній сезонъ закончился, и изголодавшаяся публика сразу набросилась на первое, что ей преподнесли—оперетку.

Труппа Крылова начала свои спектакли 8-го марта, открывъ великопостный сезонъ надоѣвшею уже „Ночью любви“. Въ смыслѣ голосовъ, болѣе или менѣе стройности хора—она безусловно сильнѣе прошлогодней.

Такъ или иначе—составъ труппы вполне удовлетворителенъ.

Премьерша—г-жа Соколова, игравшая у насъ и въ прошломъ году. Когда смотришь эту изящную артистку, слушаешь ея красивый, звонкій голосъ, наблюдаешь ея осмысленную, умную игру—начинаешь понимать, почему эту артистку не отпускаютъ изъ своей труппы Крыловъ. И, дѣйствительно, г-жа Соколова для оперетки очень и очень цѣнная артистка.

Красивый голосъ у г-жи Златовой.

Очень живая и бойкая артистка—г-жа Бобятинская и г-жа Комарова.

Маленькій, но пріятный голосъ у г-жи Омбра.

Комическая старуха г-жа Разказова имѣетъ такой же успѣхъ, какъ и въ прошломъ году.

Въ мужскомъ персоналѣ первая роли играетъ г. Амираго, музыкальный и темпераментный актеръ, съ большимъ красивымъ и гибкимъ голосомъ, но,—да проститъ онъ мнѣ—съ поразительно „вямпучной“ игрою. Это бессмысленное метаніе по сценѣ, это бросаніе въ публику высокихъ эффектныхъ нотъ, ежеминутное прикладываніе рукъ къ сердцу, вниманіе изъ кармана бѣлаго носового платка,—развѣ это не напоминаетъ Страфокомила, Лодыре и, вообще, „Вампуку“, и ея герои въ общемъ, г. Амираго имѣетъ успѣхъ.

Голосъ г. Дальскаго замѣтно окрѣпъ, приобрѣлъ больше металла, но въ сценическомъ отношеніи онъ слабъ.

Комикъ-буффъ г. Ростовцевъ, о которомъ я сказалъ бы: „черезчуръ веселый комикъ“. У этого актера столько трюковъ и подвижности, что вызываетъ у публики безконечный смѣхъ.

Успѣхъ г. Ростовцева дѣлать также и г. Стоппель, очень недурной комикъ.

Красивый голосъ у г. Полтавскаго, но на сценѣ держитъ себя какъ-то неловко.

Оперетта пробудетъ здѣсь до 7 недѣли поста.

Сборы очень хорошіе, принимаемая во вниманіе, что впереди предстоятъ нешедшія еще въ Елисаветградѣ оперетки. Прошелъ концертъ г. Брунъ и Каміонскаго.

17 марта концертъ Лабинскаго. 18—четы Южинныхъ. 3 и 4 апрѣля 2 концерта симфоническаго оркестра Ахшарумова. Приблизительно въ это же время предстоятъ два спектакля харьковскаго кабаре „Голубой глазъ“. 25 апрѣля концертъ гг. Большая и Смирнова.

Будущій сезонъ держитъ г. Миролобовъ совместно съ г. А. Е. Половцевымъ.

Дав. Закасай.

Кавказскія минеральныя воды. (Отъ нашего корреспондента.) Закончилось формированіе труппы для Желѣзноводска, Пятигорска, Эссентуковъ Б. А. Горинь-Горяиновъ. Въ составъ труппы вошли: г-жи Агарина, Багина-Каменская, Бакланова, Борисова, Горева, Добролюбова, Клименко, Кремская, Криденеръ, Кошева, Ланская, Максимова, Немировская, Ракитина, Талина, Шмитгофъ; гг. Агулянский, Александровъ, Ангарскій, Андреевъ, Боринъ, Бокбашаровъ, Галь-Совальскій, Горинь-Горяиновъ, Гербильскій, Елисеевъ, Кузнецовъ, Невѣдомовъ, Россинъ, Сомовъ, Торскій, Шмидтъ, Яшинъ.

Открытіе сезона 20 мая.

Кисловодскъ. Кисловодскій желѣзнодорожный курзаль съ театромъ сланъ на предстоящій сезонъ антрепренеру М. М. Валентинову.

Какъ новинка для кисловодскаго театра является фарсъ и оперетка. Съ 1 по 30 іюня будетъ играть Невскій фарсъ

(изъ Петербурга). Съ 1 іюля по 25 августа будетъ опера и оперетка. Для послѣдней приглашена Шувалова, для оперы—г-жи: Люце, Покровская, Пасхалова. Борина, Лелина, Лучезарская и др., артисты Собиновъ, Давыдовъ, Тартаковъ, Китонскій, Тихоновъ, Улдухановъ, Витингъ, Вѣковъ, Залипскій и др. Дирижеръ Труффи.

Красноярскъ. (Отъ нашего корр.) Красноярскія и томскія газеты отмѣтили благополучное окончаніе сезона антрепренеромъ І. М. Суходревымъ, который, несмотря на большіе убытки, понесенные имъ въ Красноярскѣ и Томскѣ, разсчитался полнымъ рублемъ. Г. Суходревъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работы въ качествѣ антрепренера въ Красноярскѣ заслужилъ глубокое уваженіе къ себѣ, какъ человѣкъ честный и далекій отъ мысли обижать своихъ сотрудниковъ. Отношеніе къ нему публики въ высшей степени симпатичное.

Н. Ф. Аксагарскій, новый режиссеръ труппы г. Дуванъ-Торцова.

Артисты на прощаніе устроили ему грандіозную овацию. Слѣдующій сезонъ—за нимъ же. Нельзя не пожелать, чтобы, составляя труппу, г. Суходревъ все-таки пользовался совѣтомъ знатоковъ театральнаго дѣла. А то можетъ выйти такая неразбериха, какъ въ минувшемъ сезонѣ. Всѣ оказались „первыми“,—и никто „вторымъ“. Но и первые были съ большими изъяннами. Потому и получились убытки.

Репертуаръ г. Суходрева въ теченіе всего сезона былъ безукоризненный. Ставились пьесы идейныя, современныя. Гармонію нарушила „Амалия и такъ дайте“, поставленная въ бенефисъ однимъ юркимъ актеромъ, хотя и дѣлавшая большой сборъ.

Н.

Курскъ. (Отъ нашего корр.) 19 марта закончились гастроли оперетки премьеры петербургскаго „Буффа“ М. С. Дальскаго, предпринявшаго поѣздку съ частью труппы. Шли „Разведенная жена“, „Графъ Люксембургъ“, „Гусарская любовь“, „Въ волнахъ страстей“ и „Ночь любви“.

Оперетка взяла на кругъ по 700 руб.,—дѣла можно назвать болѣе чѣмъ блестящая. Большимъ успѣхомъ, какъ актеръ, пользовался г. Дальскій и великолѣпный комикъ г. Звегинцевъ, затѣмъ г-жи Свѣтлова, Райская, г. Варягинъ и др. Оркестръ весьма сыгранный.

Оперетка выѣхала въ Харьковъ, гдѣ и остается весь постъ.

Концертъ г. Гофмана, данный въ Дворянскомъ собраніи, привлекъ только избранную публику.

Сдѣлано 1000 руб.

Вл. Орловъ.

Кутаисъ. (Отъ нашего корр.) Нынѣшній сезонъ грузинскихъ спектаклей нужно признать самымъ удачнымъ какъ по составу и исполненію, такъ и по матеріальному успѣху, чему всецѣло обязанъ вновь приглашенному режиссеру, г. Гуниа, магу и волшебнику сценическаго искусства. Пока прошли слѣдующія пьесы: „Камо грядеши“, „Дни нашей жизни“, „Марія Стюартъ“, „Измѣна“, „Жаворонокъ“, „Леванъ, владѣльцъ Мингрели“, по два раза; всѣ означенныя пьесы прошли художественно и имѣли большой успѣхъ, за исключеніемъ послѣдней, которая имѣла лишь матеріальный успѣхъ.

Изъ исполнителей на первомъ планѣ г-жа Чхеидзе, Давиташвили и г. Гуниа, Имедашвили и Чаркиани.

Состоялся концертъ г. Сараджева, хорошаго тенора, приведшаго публику въ восторгъ, въ концертъ принималъ участіе малолѣтній скрипачъ Миша.

Второй концерт примадонны петербургской Императорской Марининской сцены г-жи Михайловой, съ участіемъ баритона Сливинскаго.

Пріѣзжала къ намъ тифлисская оперная труппа, подъ управленіемъ Антона Эйхенвальда, съ хоромъ-балетомъ, но, увы безъ оркестра.

Поставлены были „Евгеній Онѣгинъ“, „Травиата“ и „Карменъ“. Пріѣхала труппа безъ оркестра и все-таки взяла на кругъ 600 руб. безъ малаго. Составъ былъ вполнѣ приличный, достаточно указать на г-жъ Шульгину, Де-Вось—Соболеву, Ардь и г.г. Корчмарева, Галецкаго и Соколовскаго. Аккомпанировалъ г. Миклашевскій, которому публика устроила шумную овацію.

Мановъ.

Могилевъ-Подольскъ. (Отъ нашего корреспондента.) Зимній сезонъ мы были безъ драмы по той простой причинѣ, что владѣлецъ театра г. Ройзельманъ хотѣлъ взимать за театр не менѣе 2—3 тысячъ за сезонъ. Театръ посѣщали лишь заѣзжія труппы. Теперь г. Ройзельманъ самъ взялся за антрепризу, пригласивъ румынскую опереточную труппу г. Александреску, начавшую свои гастроли съ 15 февраля. Для перваго спектакля была поставлена „Волшебная флейта“, а до настоящаго времени прошли слѣдующія оперетки: „Въ вихрѣ вальса“, „Веселая вдова“, „Птички пѣвчія“, „Чары весны“, „Прекрасный Юсифъ“. Составъ въ общемъ не дурной, спектакли проходятъ съ ансамблемъ. Но дѣла среднія. Особеннаго интереса къ опереткѣ въ публикѣ нѣтъ. Можетъ быть потому, что у насъ такъ мало людей, знающихъ румынскій языкъ.

На-дняхъ, въ зимнемъ театрѣ, у насъ состоялся еще одинъ чеховскій вечеръ въ пользу недостаточныхъ учениковъ мѣстнаго коммерческаго училища. Въ вечерѣ принимали участіе мѣстные любители и чтецы. Поставлены были между прочимъ живыя картины изъ личной жизни А. П. Чехова. Программа вечера въ строго выдержанномъ чеховскомъ духѣ.

Н. И. Аверіусъ.

Минскъ. (Отъ нашего корреспондента.) 10 спектаклей еврейско-драматической труппы П. Гиришейна, 2 спектакля— „концерта“ петербургской оперетки „Буфъ“, концертъ Н. Г. Сѣверскаго, концертъ М. Г. Эрденка—таковы наиболѣе замѣтные явленія въ нашей театральнѣй и музыкальнѣй жизни за истекшія нѣсколько недель со времени отъѣзда драмы.

Надо ли говорить о томъ изумительно-косномъ и инертномъ отношеніи, какое проявила наша интеллигентная еврейская публика къ насадителю еврейскаго художественнаго театра у насъ въ Россіи? Казалось бы, П. Гиришейнъ, который посвятилъ возвышенной идеѣ національнаго еврейскаго театра въ лучшемъ и наиболѣе высокоомъ значеніи этого слова—театра художественнаго и, главное, глубоко-идейнаго— всю свою жизнь, всѣ свои силы и энергію, весь свой талантъ; казалось бы, этотъ самый Гиришейнъ, называемый „еврейскимъ Метерлинкомъ“, могъ, по всей справедливости, рассчитывать на теплое и сочувственное отношеніе къ себѣ. Между тѣмъ публика наша лишній разъ доказала, что она способна культивировать и поощрять балаганъ, безыдейный, безпринципный, жалкій, безобразный театръ еврейскаго гетто со всѣми присущими ему чертами и особенностями. Лишь къ концу дѣла труппы замѣтно поправились, и спектакли шли при относительно-хорошихъ сборахъ.

Во всякомъ случаѣ спектакли Гиришейновской труппы, при сравнительно слабой ея техникѣ и срепетовкѣ, показали довольно опредѣленно-выраженное стремленіе ея главнаго вдохновителя приблизиться къ истинному идеалу театра; и это особенно отродно отмѣнить.

Состоявшійся 19 марта, при участіи піанистки Е. О. Гордзялковской, концертъ молодого виртуоза-скрипача, недавно премированнаго на конкурсѣ скрипачей въ Москвѣ, М. Г. Эрденка, увѣчалъ лаврами успѣха это мало или, вѣрнѣе, почти совсѣмъ неизвѣстное до сихъ поръ въ нашей провинціи имя. М. Г. Эрденко—безусловно-оригинальный скрипачъ съ ярко-выраженной индивидуальностью.

Съ 28 марта по 2 апрѣля состоялись въ городскомъ театрѣ пять спектаклей польской труппы Молодзевскаго.

Со 2 по 6 апрѣля прошли четыре гастроли русской оперы Народнаго Дома, дирекціи Е. А. Бѣляева, подъ управленіемъ М. Ф. Кирикова и М. С. Циммерманъ. Пойдутъ оперы: „Пиковая дама“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Демонъ“ и „Мефистофель“.

М. Королицій.

Кіевъ. Н. Н. Боголюбовъ, режиссеръ городского театра, приглашенъ на 1910—11 годъ въ т-во русскихъ артистовъ въ Харьковъ, съ которымъ уже подписалъ контрактъ. На 1911—12 г. Н. Н. Боголюбовъ приглашенъ въ Одессу къ М. Ф. Вагрову.

Одесса. Артистъ русской оперы г. Каміонскій ведетъ переговоры о снятіи Гор. театра на іюнь и іюль для опернаго товарищества. По его просьбѣ, г. Вагровъ пеходатайствовалъ у гор. управленія городской оркестръ за плату по 75 руб. въ вечеръ. Такъ обр., если проектируемые спектакли состоятся, то дѣтніе концерты въ Гор. саду будутъ отмѣнены. Въ составъ товарищества г. Каміонскій приглашаетъ г-жу Брунь, г. Давыдова и друг. Предположены къ постановкѣ нѣкоторыя новинки.

— Въ настоящее время представитель опернаго т-ва г. Келлеръ организуетъ оперную труппу для Новаго театра (б. Грандъ-Отель), снятаго имъ на май и іюнь. Ведутся переговоры съ г-жами Алешко, Бориной и г. Зиновьевымъ. На май, кромѣ г-жи Кузнецовой-Бонуа и г. Боначича, приглашена гастролершей г-жа Ванъ-Брандтъ. Ведутся переговоры съ г. Ансельми и басомъ Дидуръ о приглашеніи ихъ на нѣсколько гастролей въ іюнь. Завтра приступаютъ къ работамъ по расширенію театра.

Станица Приморско-Ахтарская, Кубанск. обл. (Отъ нашего корреспондента.) 15 ноября 1909 г. труппа моск. драм. артистовъ подъ управленіемъ актера Н. А. Ларскаго-Смирнаго открыла зимній сезонъ въ театрѣ Приморско-Ахтарскаго Семейнаго клуба пьесой „Казнь“ Ге.

Труппа была приглашена чрезъ М. И. Т. Б. при любезномъ содѣйствіи управ. б. Н. Д. Красова и составлена изъ „безработныхъ“ актеровъ.

Въ бюро станицы Приморско-Ахтарскую, Куб. обл., на картѣ не нашли, и труппа согласилась ѣхать сюда только на гарантію, которая и была дана клубнымъ рестораторомъ В. П. Ивановымъ.

Спектакли въ теченіе всего сезона ставились три раза въ недѣлю. Полный сборъ зрительнаго зала, по обыкновеннымъ цѣнамъ (1 р. 50 к. до 30 к.)—160 руб., а по бенефиснымъ цѣнамъ (2 р. 50 к. до 35 к.)—200 руб.

За время антрепризы были поставлены слѣдующ. пьесы: Казнь (139 р.), Безработные (29), Красный фонарь и Самъ себя сосваталъ (100), Старые годы (106), Живые покойнички (29), Въѣзъ жизни (32), Говорящая нѣмой и Школьная пора (54), Дни нашей жизни (129), Вторая молодость (55), Деньги (28), Непогребенные (13), Дѣти Ванюшина (36), Лебединая пѣснь (59), Спаситель (73), Фишка (32), Люди (31), Женитьба Бѣлугина (88), Первая муха и Благотворительница (40), Анна Каренина (81), Сердце-загадка (33), Идиотъ (47), Авдотьяна жизнь (18), Марья Ивановна (38), Горькая судьбина (28), Привидѣнія (64), Бѣшенныя деньги (30).

За время товарищества Февраль мѣс.:

Чужіе (48 р.), Забубенная головушка и Ньюбея, бенеф. Прозорова (179), За монастырской стѣною (38), Дѣти XX вѣка, бенефисъ Богурской (113), Непогребенные (отмѣн. за отсутств. публики), Говорящая нѣмой, дѣтск. спектакль и танцы (28), Лѣсъ, бенефисъ Петровскаго (133), Трильби, бенефисъ Булатовой (86), Нина, бенефисъ Пропажской (66), Петербургскія трущобы, бенефисъ пом. режис. г. Гольцова и г. Славунова (67), Катюша Маслова (48), Драма у телефона и Въ любовномъ лабиринтѣ (28).

Кресло I-го ряда.

Редакторъ-Издатель Л. Г. Мунштейнъ (Lolo).

ПАСХАЛЬНЫЙ богато-иллюстрированный номеръ „РАМПЫ и ЖИЗНИ“ выйдетъ въ пятницу 16 апрѣля.

Объявленія для этого № принимаются ежедневно отъ 12 до 5 ч. до среды включительно.

Признанное наилучшимъ

ШАМПАНСКОЕ

Предпочитаемое знатоками

И сладкое: „ИРРУА—КАПРИЗЪ“ (demi sec) **Р** средн. сладости: „ИРРУА—ГРАНЪ-ГАЛА“ (sec) **Р** мало сладкое: „ИРРУА—АМЕРИКЕНЪ“ (grand sec, extra) **У** безъ сладости: „ИРРУА—БРЮТЬ 1900 г.“ (très sec) **А**

Grands vins fins de Champagne Ernest IRROY, Reims Champagne-France, maison fondée en 1820.

НА

1910

ГОДЪ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный театральный богато иллюстрированный журналъ

„РАМПА и ЖИЗНЬ“

подъ редакціей

Л. Г. Мунштейна
(Lolo).

НА

1910

ГОДЪ

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМИА ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

ЖРЕЦЫ и ЖРИЦЫ ИСКУССТВА

(словарь сценическихъ дѣятелей) въ стихахъ LOLO, съ портретами и шаржами *Andr'a*, Н. Малютина, Д. Мельникова и друг. Самая широкая освѣдомленность. ♣ Снимки и зарисовки всѣхъ интересныхъ постановокъ иностранныхъ и русскихъ сценъ. ♣ Эскизы для грима и декораций. ♣ Портреты сценич. дѣятелей. ♣ Спец. фотографіи всѣхъ новинокъ Художественнаго театра. ♣ Карикатуры на театральныя злобы дня.

ОБЩИРНЫЙ ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ!

52 большахъ портрета (на обложкѣ) артистовъ, писателей, композиторовъ и художниковъ, болѣе 1000 снимковъ, зарисовокъ, шаржей, карикатуръ и проч. **52**

Собственные корреспонденты во всѣхъ западно-европейскихъ театральныхъ центрахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылк.: годъ—6 руб., полгода—3 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 75 к., 1 мѣс.—60 к.; за границу—вдвое. Объявленія впереди текста 75 коп., позади 50 коп. строка петита.

Главная контора журнала: Москва, Бронная, Больш. Козихинскій пер., д. Мясникова. Тел. 258-25.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ также у Н. И. Печковской (Петровскія линія), въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Н. О. Вольфа и др. ♣ Розничная продажа журнала „РАМПА и ЖИЗНЬ“, кромѣ Москвы, производится:

въ Петербургѣ—Невскій, пассажъ, газетный кіоскъ; въ Одессѣ—М. М. Арфина, Е. Е. Свистуновой (кіоски); въ Киевѣ—книжн. маг. Л. Идиковского, театр „Соловцовъ“ (театральн. кіоскъ); у Тивонова (Воздвиженская, 59); въ Саратовѣ—книжн. маг. Суворина, П. Ф. Панина; въ Твери—кіоскъ Коротѣева; въ Казани—у С. П. Коломенскаго и въ маг. „Восточная Ляра“; въ Елисаветградѣ—книжн. газет. кіоскъ; въ Пятигорскѣ—у А. И. Чайкина; въ Чернасахъ—у Х. Скловскаго; въ Смоленскѣ—книжн. маг. Добкина; въ Симбирскѣ—у Н. Н. Гладкова; въ Владивостокѣ—газетн. аген. „Польза“; въ Житомирѣ—театр. библ. Вакса; въ Нижнемъ-Новгородѣ—муз. маг. „Аккордъ“; въ Винницахъ—книж. маг. В. Райхеръ; въ Наменецъ-Подольскѣ—у С. С. Вѣлецкаго; въ Кишиневѣ—у Д. Криммеръ; въ Николаевѣ—книж. кіоскъ Я. И. Золотарева; въ Александріи—у Р. В. Могилевича, С. Кушнеръ; въ Екатеринославѣ—у Браиловскаго.

РЕПЕРТУАРЪ КАБАРЭ.

СТРАНИЦА РОМАНА

пер. Э. Маттерна. Ц. 15 к.

„РОСМУНДА“.

Пер. LOLO. Ц. 15 к.

Изд. „РАМПЫ и ЖИЗНИ“.

Я. ГОРДИНЪ. ПЕРЕВОДЫ ЧЕТЫ ШЕНЬ.

1) **Сатана** др. въ 4 д. съ прол. (м. 5, ж. 4), гвоздь 1909—1910 гг. (ценз. экз. только у С. Ф. Разсохина въ Москвѣ)

2) **Мирра Эфрось** 4 д. (м. 5, ж. 4) печатное издание переводчика, цѣна 40 коп., ценз. экз. 2 руб. Выписывать только изъ Одессы, книж. маг. „Образованіе“, Ришельевск. 12.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу **НОВАЯ КНИГА** Н. Поповъ.

Маленькій театръ.

Пьесы для школьныхъ и дѣтскихъ спектаклей: Шемякинъ судъ, Котъ въ сапогахъ, Въ гостяхъ у Пушкина, Мальчикъ съ палочкой, Принцъ свинопасъ, Приятная встрѣча. Фотографіи, рисунки, чертежи и описаніе устройства переносной сцены и декораций.

ЦѢНА ОДИНЪ РУБЛЬ.

Изданіе книгоиздательства „УТРО“.

Подъ ред. И. А. Бѣлуосова.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ОШИБКИ

НЪЖИНСКАЯ
РЯБИНА!

ВОТЪ
НАСТОЯЩАЯ

Если Вы хотите получить **настоящую** Нѣжинскую рябиновую, обращайтесь вниманіе **не на сходство, а на разницу** во внѣшнемъ видѣ бутылочкѣ.

На бутылкѣ настоящей Нѣжинской рябиновой № 23 Петра Смирнова должны быть 4 государственныхъ герба и надпись:

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества
Торговый Домъ **ПЕТРА СМИРНОВА** въ Москвѣ.

Только эти внѣшніе признаки служатъ порукой за безукоризненное качество продукта и гарантируютъ, что внутри будетъ содержимое, вполнѣ соответствующее своему названію и той репутаци, которая установилась за нашей **Нѣжинской рябиновой** въ теченіе многихъ лѣтъ.